

HISTORIA ROSSICA

Франсин Хирш

С У Д В Н Ю Р Н Б Е Р Г Е

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
И МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Франсин Хирш

**Суд в Нюрнберге. Советский
Союз и Международный
военный трибунал**

«НЛО»

2020

УДК 355/359
ББК 63.3(2Рос=Рус)62

Хирш Ф.

Суд в Нюрнберге. Советский Союз и Международный военный трибунал / Ф. Хирш — «НЛО», 2020 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-2312-0

Международный военный трибунал (МВТ), или Нюрнбергский процесс, организованный союзническими державами-победителями сразу после Второй мировой войны, был призван привлечь нацистов к ответственности за их преступления и восстановить чувство справедливости в мире, опустошенном насилием. И хотя роль, которую Советский Союз сыграл в организации этого судебного процесса, является основной, она зачастую упускается в современных описаниях. Как показывает Франсин Хирш, без участия СССР Нюрнберг никогда бы не состоялся: именно советские юристы разработали правовую основу, рассматривающую войну как международное преступление, что дало судебному процессу правовую основу. Однако попытки Сталина управлять дистанционно ходом процесса ломали планы советской стороны, американская сторона навязывала свою стратегию обвинения, а сторона нацистской защиты открыто поднимала на заседаниях Трибунала вопрос о причастности СССР к преступлениям против мира. Когда же отношения между четырьмя странами-союзницами окончательно испортились, Нюрнберг превратился из символа справедливости в ранний фронт холодной войны. Книга предлагает читателю занять место в первом ряду в зале суда Нюрнберга, а также заглянуть за кулисы, где его организаторы делились секретами, намечали стратегии и заключали союзы. Франсин Хирш — профессор истории в Висконсинском университете в Мэдисоне, США.

УДК 355/359
ББК 63.3(2Рос=Рус)62

ISBN 978-5-4448-2312-0

© Хирш Ф., 2020

© НЛО, 2020

Содержание

Сокращения	7
Введение	9
Часть I. Дорога в Нюрнберг	21
Глава 1	21
Глава 2	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Франсин Хирш

Суд в Нюрнберге

Советский Союз и Международный военный трибунал

Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA

С. Абашин, Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский, Б. Колоницкий,
А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слёзкин, Р. Уортман

Редактор серии И. Мартынюк

В оформлении обложки использована фотография обвиняемых, сидящих на скамье подсудимых в соответствии с их положением в нацистском руководстве, 1945–1946 годы. Американский мемориальный музей Холокоста. Предоставлено Джеральдом Швабом. Фотограф: Чарльз Александр.

SOVIET JUDGMENT AT NUREMBERG: A NEW HISTORY OF THE
INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL, FIRST EDITION by Francine Hirsch

© Francine Hirsch, 2020

© Р. Ибатуллин, пер. с английского, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

* * *

HISTORIA ROSSICA

Издательство «Новое литературное обозрение» осуждает идеологию нацизма и деятельность членов нацистских и фашистских организаций. Сведения об их деятельности, идейных установках и преступлениях приводятся исключительно с целью просвещения и не являются пропагандой, одобрением или оправданием нацизма, фашизма и прочих видов экстремистских движений. Изложенные в данной книге мысли и выводы отражают взгляды и мнение автора, являющегося профессиональным историком. Мнение издательства может не совпадать с авторским.

Посвящается Марку

Сокращения

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

КОНВП – Комиссия Объединенных Наций по военным преступлениям

МАЮД – Международная ассоциация юристов-демократов

МВТ – Международный военный трибунал

АМЕРИКАНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

ВЮС – Военно-юридическая служба Вооруженных сил США

УСС – Управление стратегических служб

НЕМЕЦКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Гестапо – Geheime Staatspolizei (Тайная государственная полиция)

Зипо – Sicherheitspolizei (Полиция безопасности)

НСДАП – Национал-социалистическая рабочая партия Германии

РСХА – Reichssicherheitshauptamt (Главное управление имперской безопасности)

СА – Sturmabteilung (штурмовые батальоны, штурмовики)

СД – Sicherheitsdienst (Служба безопасности)

СС – Schutzstaffel (охранные отряды)

СОВЕТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ

КРПОМ – Комиссия по руководству подготовкой обвинительных материалов

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел (до марта 1946 года, затем Министерство внутренних дел)

НКВД – Народный комиссариат иностранных дел (до марта 1946 года, затем Министерство иностранных дел)

НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности (до марта 1946 года, затем Министерство государственной безопасности)

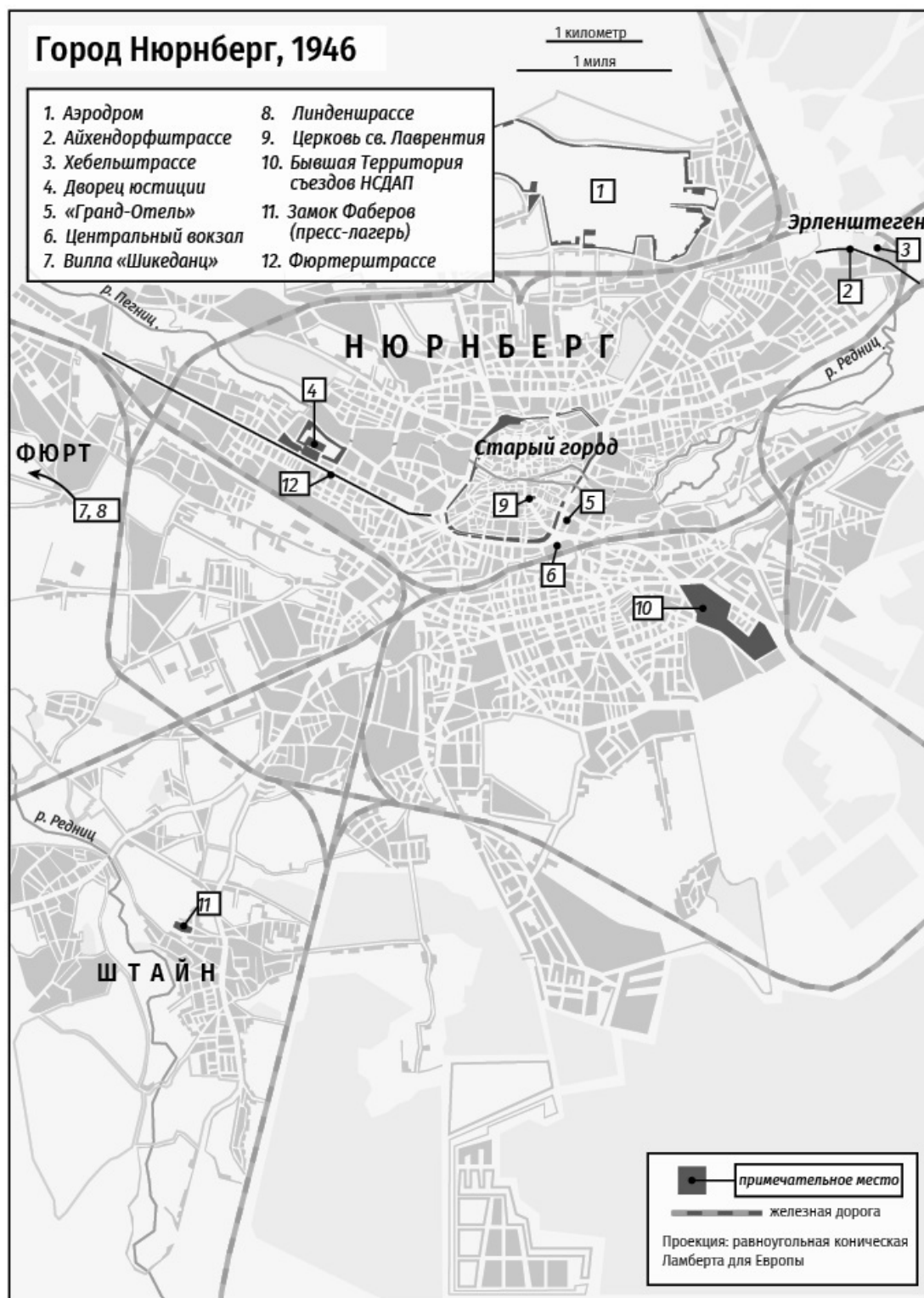
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СВАГ – Советская военная администрация в Германии

Смерш – сокр. от «смерть шпионам», ведомственные органы контрразведки; Главное управление контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны; Отдел контрразведки «Смерш» НКВД

Совинформбюро – Советское информационное бюро

ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза

Карта 1. Нюрнберг, 1946 год

Введение

Нерассказанная история

В ноябре 1945 года – примерно через шесть месяцев после окончания Второй мировой войны в Европе – в Нюрнберге, в американской зоне оккупации бывшей нацистской Германии, во Дворце юстиции собрался Международный военный трибунал (МВТ). Над входом в величественное здание из песчаника реяли флаги Соединенных Штатов, Великобритании, Советского Союза и Франции, а снаружи стояли по стойке смирно почетные караулы из этих стран – зримое напоминание о том, что процесс над бывшими нацистскими вождями ведут четыре военные оккупационные администрации Германии.

Нюрнберг был исполнен символического значения. Этот город был колыбелью нацистского движения, местом срежиссированных массовых митингов – увековеченных частью в фильме Лени Рифеншталь «Триумф воли», – на одном из которых в сентябре 1935 года Адольф Гитлер провозгласил расовые законы Третьего рейха и воодушевил миллионы последователей обещанием возродить Германию. Это был и один из последних очагов сопротивления немецких войск в 1945 году, театр одного из завершающих сражений в Европе. Одним словом, подходящее место для подведения итогов войны.

Среди тех, кто приехал наблюдать за судебным процессом, был советский кинорежиссер Роман Кармен – специальный корреспондент советской печати, получивший задание освещать ход суда. В первый день, проезжая в автомобиле через город, Кармен был поражен разрушениями. «Ни одного дома уцелевшего в Нюрнберге не увидишь, – писал он. – Это сплошные руины». Последние годы Кармен работал кинооператором Красной армии и снимал документальные фильмы в Ленинграде, на Дону и на Белорусском фронте. Он видел, что может сделать война. Но его все равно ошеломило увиденное. Нюрнберг почти сравнивали с землей периодические бомбардировки союзников и уличные бои. Средневековый центр и современные части города были обращены в кучи щебня и мусора. Перед отъездом из Москвы Кармен смотрел немецкие кинохроники и документальные фильмы, где город предстал во всей своей славе под властью нацистов. Он вспоминал сцены, исключительные в своем великолепии, – территорию съездов НСДАП и бесконечные парады частей СС, гитлерюгенда и вермахта. Невозможно было поверить, что это один и тот же город¹.

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 4–6. Впечатления и мнения Кармена извлечены из заметок, сделанных им в ходе процесса. Эти заметки легли в основу лекций, прочитанных им в Москве в 1946 году.

Ил. 1. Дворец юстиции в Нюрнберге, место проведения Международного военного трибунала. 1945–1946 годы. Источник: Американский мемориальный музей Холокоста. Предоставлено библиотекой Гарри С. Трумэна. Фотограф: Чарльз Александр

Оставив багаж в пресс-лагере, расположенном к юго-западу от города, Кармен направился прямо в суд. Он спешил. Из-за плохой погоды задержался его рейс в Нюрнберг. Было уже 22 ноября: он пропустил первые два дня процесса и не хотел больше терять времени. Его машина свернула на Фюртерштрассе, одну из немногих улиц, сохранивших свой вид. Там за коваными железными воротами стоял Дворец юстиции. Четырехэтажное здание начала XX века выглядело сравнительно не тронутым войной. Тысячи немецких военнопленных были подражены американскими оккупационными войсками заделывать дыры от пуль и ремонтиро-

вать здание. При виде советского почетного караула Кармен ощутил прилив гордости, вспомнив «доблестный путь» Красной армии «от Сталинграда, Волги, Москвы до Берлина»².

Внутри Дворца юстиции Кармена очаровало сочетание монументальности с функциональностью. Сам зал суда был разобран и расширен, чтобы вместить восемь судей, четыре группы обвинителей, подсудимых с их адвокатами и сотни представителей прессы, которые размещались в задней части зала. Позади свидетельской скамьи соорудили специальную кабину для переводчиков; наверху приделали галерею для зрителей. Пахло свежей древесины и краской. На стене висел бронзовый барельеф с Адамом, Евой и змеем, оставшийся со времен постройки здания. На карауле стояли американские военные полицейские в белых касках. Прямо напротив судей располагалась скамья подсудимых; Кармен сразу узнал среди них Германа Геринга и Рудольфа Гесса. Позже, в разгар процесса, Кармен вспоминал, какое удовольствие пережил именно в этот момент – зная, что в этом месте «народы мира судят банду фашистских палачей»³. Здесь ему суждено было провести десять месяцев, снимая процесс на камеру для потомков.

Кармен приехал в Нюрнберг, глубоко ощущая собственную ответственность. Всю войну его миссией было разоблачение преступлений нацистов. Он снимал разрушенные деревни, разбомбленные города и зверски убитых мирных жителей. Эти кадры вошли во множество советских и иностранных кинохроник и документальных фильмов. Весной 1944 года он заснял освобождение советскими войсками лагеря смерти Майданек в Польше. В статье, опубликованной одновременно в «Дейли уоркер» и «Лос-Анджелес таймс», он описал работу газовых камер и крематория и отметил, что весь проект уничтожения более полумиллиона человек «был организован с дьявольской эффективностью». «За исключением тысячи живых трупов, найденных Красной армией, когда она вошла в лагерь, ни один заключенный не выбрался оттуда живым»⁴. Из Польши Кармен двигался вместе с Красной армией на запад, документируя взятие Берлина и капитуляцию нацистов.

В Нюрнберге Кармен возглавлял небольшую группу советских операторов, которым было поручено снимать хронику, а затем подготовить полнометражный фильм о процессе. Они стремились создать визуальный нарратив, показывающий миру колоссальные жертвы, принесенные Советским Союзом ради победы над нацистами. «Если бы не Советская армия, не героический советский народ, который сыграл решающую роль в победе над Германией, не было бы Нюрнберга», – рассуждал Кармен в ходе работы над фильмом⁵. Кармен был талантливым режиссером и опытным советским пропагандистом, способным в полной мере контролировать идеи и образы, которые он представлял на экране. Но в целом для советской делегации в Нюрнберге – для судьи и его заместителя, обвинителей, письменных и устных переводчиков и большого количества вспомогательного персонала – контролировать ход процесса оказалось гораздо сложнее.

Не то чтобы Советский Союз был захвачен врасплох открытием МВТ; он сыграл ключевую роль в его создании. В самые черные дни войны – когда было еще неизвестно, устоит ли вообще Советский Союз, – Иосиф Сталин и его нарком иностранных дел Вячеслав Молотов призвали создать «специальный международный трибунал» для суда над нацистскими лидерами, отчасти ради того, чтобы подвести правовую основу под требования репараций: они уже

² РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 5–6, 36.

³ РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 5–6, 36. Описания зданий: *Poltorak A. The Nuremberg Epilogue*. Moscow: Progress Publishers, 1971. P. 22–28; *Polevoi B. The Final Reckoning: Nuremberg Diaries*. Moscow: Progress Publishers, 1978. P. 73, 81–82. (См. на рус.: *Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог*. М.: Воениздат, 1965; *Полевой Б. Н. В конце концов. Нюрнбергские дневники*. М.: Советская Россия, 1969. – *Примеч. пер.*)

⁴ *Karmen R. Lublin Extermination Camp Called «Worst Yet» by Writer // Daily Worker*. 1944. August 14. P. 8; *Karmen R. Writer Describes Nazi Murder Plant in Poland // Los Angeles Times*. 1944. August 13. P. 5. О статьях Кармена см.: *Shneer D. Through Soviet Jewish Eyes: Photography, War, and the Holocaust*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2012. P. 164–165.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 44.

понимали, что репарации необходимы для восстановления разгромленных городов и предприятий в СССР. Советские власти считали очевидным, что нацистские лидеры виновны и заслуживают виселицы. Они воображали себе Нюрнбергский процесс по образцу Московских процессов 1936–1938 годов – как большой политический спектакль с predetermined исходом. Нюрнберг должен был высветить всю глубину злодейства нацистов и вынести обвиняемым смертный приговор.

Ожидалось, что так все и будет. Но еще до того, как Кармен установил свою кинокамеру «Аймо» во Дворце юстиции и начал съемку, процесс начал отходить от сценария, ожидаемого в Москве. Страны-обвинители не только противостояли обвиняемым в зале Нюрнбергского суда – они соперничали друг с другом.

Четыре союзника совершенно по-разному прошли войну. В Нюрнберге они в разной степени желали возмездия и преследовали совершенно разные интересы. Французам нужно было разобраться со своим коллаборационистским наследием; война выявила и обострила социальные и политические конфликты, и новое французское правительство не вполне понимало, что делать дальше. Британцы, которые в течение года в одиночку противостояли Германии, были разорены войной и опасались утраты своего влияния и потери империи. Соединенные Штаты поздно вступили в войну, покончив с долгим периодом изоляционизма, и готовились принять на себя более видную и, возможно, даже лидирующую роль в международных отношениях. В сравнении с европейскими участниками войны, Соединенные Штаты потеряли незначительное число мирных граждан; в отличие от других союзников экономика США в ходе войны набрала мощь, и американцы были полны уверенности в своих силах. Советский же Союз был растерзан нацистским вторжением и оккупацией: количество жертв превосходило всякое воображение. Он праздновал окончательный триумф над врагом, но сажился за стол переговоров, понеся чудовищные потери, и твердо намеревался занять подобающее место среди победителей.

Все союзники хотели воспользоваться этим судебным процессом, чтобы представить свою собственную версию истории войны и повлиять на формирование послевоенного будущего. Кроме того, они прибыли в Нюрнберг со взаимно несовместимыми идеями о самой сути правосудия и о том, как оно должно осуществляться. Обвинители и судьи из четырех стран с разными политическими системами и правовыми традициями имели конфликтующие представления даже о таких фундаментальных вещах, как доказательство, свидетель и права подсудимого.

А как насчет подсудимых? Рейхсмаршал Герман Геринг, министр иностранных дел Германии Йоахим фон Риббентроп, рейхсминистр Альфред Розенберг и другие нацистские руководители вовсе не раскаивались; для них Нюрнберг был пародией на правосудие. К удивлению и смятению стороны обвинения, бывшие нацистские бонзы и их адвокаты решительно отрицали легитимность суда и играли на разногласиях между странами-обвинителями – а эти разногласия стали досадно очевидными с самого начала. Да, обвиняемые шли на виселицу, но они сражались за каждый шаг на этом пути.

Все это было ясно участникам и, несомненно, таким внимательным наблюдателям, как Роман Кармен. Как и другие советские корреспонденты в Нюрнберге, он чувствовал напряжение процесса с самого момента прибытия. Несколько месяцев он выслушивал показания об ужаснейших преступлениях, и война поневоле воскресала в его памяти. Он был шокирован утверждениями обвиняемых, что Германия напала «превентивно» ради защиты от неминуемого советского нападения. У него вызывали отвращение попытки защитников отрицать за победителями право судить побежденных. Для него было почти мучительно день за днем фокусировать объектив на лицах «отвратительных существ» и «гнусных зверей», сидевших на

скамье подсудимых. Но он все равно снимал, чтобы запечатлеть их истинную природу и тем самым разоблачить суть зла⁶.

Фильм Кармена «Суд народов» вышел на экраны Советского Союза через месяц после того, как в октябре 1946 года судьи вынесли свои вердикты. Пятидесятипятиминутный документальный фильм представлял советский взгляд на Вторую мировую войну в совершенно определенной форме. Сцены в зале суда сменялись кинохрониками нацистских зверств, которые Кармен и другие советские операторы засняли на территориях, только что освобожденных от немецких оккупантов. Крупные планы лиц подсудимых сменялись жуткими картинками разрушенных до основания городов и невероятного количества трупов в концлагерях. В США фильм шел под названием «Нюрнбергские процессы»; премьера состоялась в Нью-Йорке весной 1947 года. В «Нью-Йорк таймс» его называли «мрачным и впечатляющим рассказом об ужасах нацистских военных преступлений и вине высших руководителей»⁷. С другой стороны, в «Нью-Йорк геральд трибун» фильм раскритиковали как «растянутую кинохронику», а его идею, что «нацисты захватили бы мир, если бы их не остановили красные армии», объявили пропагандой, которая вряд ли бы привлекла друзей к Советскому Союзу. На самом деле фильм Кармена был слишком эмоционально жестким и напряженным, по крайней мере для американского зрителя, которому надоела война и хотелось просто жить дальше. Его центральная идея о Советском Союзе как спасителе Европы от Гитлера противоречила американским представлениям о США как освободителе и защитнике Европы. Вскоре этот фильм был забыт в США – как и роль СССР во всех аспектах Нюрнбергского процесса⁸.

* * *

МВТ остается одним из главных событий XX века и отправной точкой дискуссий о транс-национальном правосудии, международном праве, геноциде и правах человека. Но, вопреки многолетнему интересу широкой публики и ученых к МВТ, его история все еще рассказана не вполне. В этой книге я представляю новую историю Нюрнбергского процесса, восстанавливая ее центральное недостающее звено: роль Советского Союза. Тем самым я предлагаю новое понимание истоков и развития послевоенного движения за права человека.

Почему роль СССР в Нюрнберге была так важна? И почему его участие в МВТ по большей части забыто? Причины последнего не должны особенно удивлять. МВТ был не только последним салютом военного сотрудничества стран-союзников. Он был и ранним фронтом холодной войны, поскольку его появление совпало с тем переломным моментом, когда послевоенные отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом еще по большей части не оформились – до того, как эти страны стали сверхдержавами. Еще до окончания Нюрнбергского процесса политика холодной войны породила миф о «Нюрнбергском моменте» – миф, в котором роль Советского Союза сводилась к нулю. Десятилетиями советское участие в Нюрнберге либо вообще не обсуждали в США, либо описывали как нечто досадное, но неизбежное – что-то вроде фаустовской сделки, которую пришлось заключить американским и британским лидерам, чтобы закончить войну и привлечь к суду нацистов⁹.

⁶ Реакция Кармена, его описания подсудимых и их заявлений: РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 31–52. О методе Кармена: Колесникова Н., Сенчакова Г., Слепнева Т. Роман Кармен. М.: Искусство, 1959; Hicks J. First Films of the Holocaust: Soviet Cinema and the Genocide of the Jews, 1938–1946. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2012.

⁷ Crowther B. Goering, with Swagger Lacking, in «Nuremberg Trials», at Stanley // New York Times. 1947. May 26. P. 24.

⁸ J. P. «The Nuremberg Trials» – Stanley // New York Herald Tribune. 1947. May 26. P. 16; Hicks J. First Films of the Holocaust. P. 209–210 – о рецепции и забвении фильма Кармена.

⁹ См., например: Douglas L. The Memory of Judgment: Making Law and History in the Trials of the Holocaust. New Haven: Yale University Press, 2001. О советском участии как ахиллесовой пяте см.: Dodd C. J., Bloom L. Letters from Nuremberg: My Father's Narrative of a Quest for Justice. New York: Crown, 2007. P. 341. См. также: Bass G. J. Stay the Hand of Vengeance: The Politics

Согласно этому мифу, американцы играли ведущую роль. Они умерили свою жажду мести и подвергли нацистов справедливому суду по закону, чем открыли новую эру международных прав человека. Фильм Стэнли Крамера «Приговор в Нюрнберге» 1961 года и документальная драма 2000 года «Нюрнберг» следуют этому сюжету. В фильме «Нюрнберг» главный обвинитель от США Роберт Х. Джексон с квадратной челюстью (его роль была сыграна Алеком Болдуином) предстает как герой, требующий беспристрастного суда даже для самых монструозных нацистских вождей. Британцы и французы играют положительные, но второстепенные роли. Советские же представители появляются лишь в эпизодах и выглядят неотесанными, звероподобными и мстительными – не как равные партнеры, а как помехи благородному делу поиска справедливости. В некоторых сценах немцы изображены с большей симпатией, чем советские аппаратчики¹⁰.

Эта документальная драма – экранизация книги Джозефа Э. Персико «Нюрнберг: зло под судом», основанной по большей части на рассказах американских и британских участников¹¹. Западные судьи и обвинители, которые оставили первые и прочнее всего укоренившиеся рассказы о МВТ, воспринимали сам факт советского участия как угрозу легитимности Нюрнберга и его наследия. У них были все на то основания. Германия и СССР совместно вторглись в Польшу в сентябре 1939 года; многие подозревали, что не нацисты, а советская сторона виновна в убийстве тысяч польских офицеров в Катынском лесу недалеко от Смоленска; некоторые части Красной армии совершали акты насилия во время наступления на Берлин в последние месяцы войны, и именно советские войска проводили депортации в Польше и Венгрии в то самое время, как МВТ заслушивал показания против нацистов¹². С точки зрения многих членов западных делегаций и международного пресс-корпуса, советская сторона была немногим лучше обвиняемых нацистов.

Идея «Нюрнбергского момента» как триумфа западного лидерства и западного права, как ни странно, осталась жизнеспособной даже после того, как в новых исторических трудах основное внимание стало уделяться более глубокому анализу роли экспертов по международному праву в организации Трибунала. Захватывающая книга Филиппа Сэндса «Ист-Вест-стрит» (2016) освещает вклад польско-американского юриста Рафала Лемкина и польско-британского юриста Герша Лаутерпахта в разработке некоторых ключевых понятий Нюрнберга, таких как «геноцид» и «преступления против человечности», но лишь эпизодически упоминает советского юриста Арона Трайнина, чей вклад был, возможно, еще важнее. Все трое происходили из еврейских семей в Центральной Европе – но Лемкин и Лаутерпахт эмигрировали

of War Crimes Tribunals. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 147–205. Басс утверждает, что «советское возмездие вообще не было стеснено либеральными легалистскими нормами» (р. 196). Дискуссия о некоторых способах сослаться на Нюрнберг как на «момент в истории идеи прав человека»: *Borgwardt E. Commerce and Complicity: Human Rights and the Legacy of Nuremberg* / Ed. B. J. Schulman. Making the American Century: Essays in the Political Culture of Twentieth Century America. New York: Oxford University Press, 2014. P. 92–108.

¹⁰ Фильм 1961 года посвящен одному из последующих нюрнбергских процессов, «процессу над судьями» (США против Йозефа Альштеттера и др.), где обвинителями были только американцы. Фильм 2000 года посвящен первому Трибуналу четырех держав 1945–1946 годов (собственно Международному военному трибуналу. – *Примеч. ред.*). Также примечателен документальный фильм «Нюрнбергский процесс» из серии «Американская история» канала PBS, который вышел в 2006 году и тоже прославлял Нюрнберг как триумф Джексона-обвинителя.

¹¹ *Persico J. E. Nuremberg: Infamy on Trial*. New York: Penguin Books, 1994. В число опубликованных рассказов входят: *Biddle F. In Brief Authority*. New York: Doubleday, 1962; *Gilbert G. M. Nuremberg Diary*. New York: Farrar, Straus, 1947; *Harris W. R. Tyranny on Trial*. Dallas: Southern Methodist University Press, 1954; *Andrus B. C. I was the Nuremberg Jailer*. New York: Coward-McCann, 1969; *Neave A. On Trial at Nuremberg*. Boston: Little, Brown, 1979; *Taylor T. The Anatomy of the Nuremberg Trials*. Boston: Knopf, 1992. Более сбалансированное популярное изложение с англо-американской точки зрения, основанное преимущественно на британских архивах и мемуарах: *Tusa A., Tusa J. The Nuremberg Trial*. London: Atheneum, 1983.

¹² См., например: *Naimark N. M. The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997; *Snyder T. Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin*. New York: Basic Books, 2010; *Applebaum A. Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe, 1945–1956*. New York: Doubleday, 2012; *Beevor A. The Fall of Berlin 1945*. New York: Penguin Books, 2003. (Пер. на рус.: *Снайдер Т. Кровавые земли. Европа между Гитлером и Сталиным*. Киев: Дуліби, 2015; *Бивор Э. Падение Берлина. 1945*. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. – *Примеч. пер.*)

на Запад, а Трайнин остался в России и служил советскому правительству¹³. Лемкин и Лаутерпахт – представители либеральной правовой традиции. Они вписываются в сюжет. Трайнин сделал карьеру в сталинском СССР, и его прежние работы подвели основу под советские показательные процессы. Поэтому он определенно не вписывается¹⁴.

Нарратив о «Нюрнбергском моменте» не оставляет места неоднозначности. Но рассказать историю МВТ без полного учета роли СССР – значит ухватить деталь и упустить главное. Сталинский Советский Союз фундаментально повлиял на МВТ и стал ключом к его успеху, приведя в движение то, что стало затем широко признано революцией в международном праве, – криминализацию завоевательных войн и стремление защитить индивида от репрессивного государства¹⁵. То, что эту роль сыграла страна, известная показательными процессами и ярко выраженным презрением к человеческой жизни, способно удивить и, возможно, даже огорчить. Полная история Нюрнберга сталкивает нас с двумя неудобными истинами: нелиберальные авторитарные государства иногда позитивно влияли на международное право, а международное правосудие есть процесс по своей сути политический¹⁶.

Из всех союзных держав СССР больше всего стремился осудить нацистов не только за преступления, совершенные в ходе войны, но и в первую очередь за преступление, состоявшее в том, что они развязали «агрессивную войну». Под влиянием опыта тотальной войны – войны, мобилизовавшей все ресурсы общества, – советские юристы оставили на международном праве печать, изменившую его навсегда. Не кто иной, как Арон Трайнин, впервые артикулировал концепцию «преступления против мира», описав планирование и развязывание неспровоцированной войны как наказуемое преступное деяние. Это стало важнейшим пунктом в Обвинительном заключении – документе, создавшем правовую рамку для Трибунала в целом¹⁷. Трайнин также задолго до победы союзников внес советские идеи об уголовной ответственности и соучастии в международную дискуссию о военных преступлениях. Когда британские лидеры и некоторые американские политики (в том числе министр финансов Генри Моргантау – младший) выступали за внесудебную казнь нацистских вождей как более простой и прямолинейный подход, советские представители настаивали на созыве международного трибунала. Возможно, Нюрнбергского процесса вообще не было бы, если бы советская позиция не возобладала.

Но советские представители получили совершенно не тот трибунал, который представляли себе. Они не имели понятия, во что они ввяжутся в Нюрнберге. Преступления нацистов были столь чудовищны, свидетельства массовых зверств столь обильны, что Сталин и Молотов считали сценарий суда предрешенным. Советские руководители были настолько уверены в обвинительных вердиктах, что не постеснялись добавить в Обвинительное заключение

¹³ *Sands P.* East West Street: On the Origins of «Genocide» and «Crimes against Humanity». New York: Knopf, 2016. Третий главный персонаж в книге Сэндса – нацист Ханс Франк. Трайнин родился в Витебске (Российская империя), Лаутерпахт – в Жолкве, что неподалеку от Львова (Австро-Венгрия), Лемкин – в Безводно (Гродненская губерния Российской империи).

¹⁴ О Трайнине, Лемкине и Лаутерпахте см.: *Penn M. J.* The Extermination of Peaceful Soviet Citizens: Aron Trainin and International Law. PhD diss., University of Colorado at Boulder, 2017. Пенн критикует книгу Сэндса с примерно той же позиции и рассматривает Трайнина как участника диалога с Лемкиным и Лаутерпахтом.

¹⁵ Об этой революции см., например: *Ehrenfreund N.* The Nuremberg Legacy: How the Nazi War Crimes Trials Changed the Course of History. New York: Palgrave Macmillan, 2007.

¹⁶ Историки и правоведы склонны по умолчанию считать, что идеи прав человека и международного права имеют либеральное происхождение. См., например: *Hathaway O. A., Shapiro S. J.* The Internationalists: How a Radical Plan to Outlaw War Remade the World. New York: Simon and Schuster, 2017. О русском вкладе в международное право см. работу Питера Холквиста, который сейчас заканчивает книгу о роли Российской империи в расширении и кодификации международных законов войны. О нелиберальном правосудии и советском праве см. также: *Exeler F.* Nazi Atrocities, International Criminal Law, and Soviet War Crimes Trials: The Soviet Union and the Global Movement of Post-Second World War Justice / Eds I. Tallgren, Th. Skouteris. The New Histories of International Criminal Law: Retrials. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 189–219.

¹⁷ Роль Трайнина в процессах до последнего времени недооценивалась в западной литературе. Важное исключение: *Ginsburgs G.* Moscow's Road to Nuremberg: The Soviet Background to the Trial. The Hague: Martinus Nijhoff, 1996. Сейчас Трайнину начали воздавать должное. См. особенно: *Sellers K.* «Crimes against Peace» and International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2015; *Penn M. J.* The Extermination of Peaceful Soviet Citizens.

одно из своих собственных военных преступлений – массовое убийство польских офицеров в Катыни. Они не ожидали, что подсудимым позволят оспаривать официальные отчеты о военных преступлениях, призывать в свидетели военачальников и эсэсовцев и настойчиво выдвигать встречные обвинения. Не ожидали они и того, что другие союзники будут иметь совершенно другие мнения о том, как должен идти процесс, как и того, что американцы настолько успешно будут выставлять и продвигать свою собственную повестку.

Сталин и Молотов также считали, что им будет легко контролировать советских обвинителей и судей и тем самым издалека управлять ходом процесса. Они представляли себе Нюрнберг как величественный образец воспитательной и просветительской работы – тот же показательный процесс, только масштабнее¹⁸. Сталин назначил Андрея Вышинского, обвинителя на зрелищных постановках Московских процессов, главой секретной московской комиссии, которая должна была руководить работой советских представителей на Нюрнбергском трибунале¹⁹. При отборе советских судей и обвинителей для МВТ Сталин тоже искал людей с опытом показательных процессов. Советский судья Иона Никитченко сделал карьеру судьи на Московских процессах; советский главный обвинитель Роман Руденко выступал обвинителем в показательных процессах 1930-х годов в Украине, а позже – обвинителем в показательном процессе против польских лидеров в Москве²⁰. Советские заместители обвинителей имели аналогичный опыт.

Однако Сталину и другим советским руководителям было очень далеко до возможности такого контроля. Лишь когда судебные процессы начались, они поняли, до какой степени просчитались. По иронии обстоятельств именно сверхцентрализованная командная структура СССР оказалась главной помехой в Нюрнберге и не позволила советской группе юристов достичь некоторых целей, более всего желанных Москве. Сталин возложил на Вышинского ответственность за все аспекты работы советских представителей, в том числе проверку и отбор показаний и свидетелей. Вышинский в свою очередь требовал, чтобы советские обвинители и судьи консультировались с ним по всем, даже мельчайшим вопросам, касающимся МВТ. Это влекло за собой обмены секретными сообщениями для сверки действий, зачастую по обходным каналам и, как правило, в условиях крайнего дефицита времени. Ситуацию еще больше усложняло то, что даже Вышинскому не доставало авторитета для выдачи директив по большинству вопросов в его же области ответственности. Многие решения требовали полного круга консультаций с советскими руководителями – вплоть до самого Сталина. Из-за этого советская делегация не могла быстро реагировать на непредвиденные ситуации.

А большая часть ситуаций оказалась непредвиденной – по крайней мере, с советской точки зрения. Трения между союзниками влияли на происходившее в нюрнбергском зале суда не меньше, чем интересы правосудия. Ни одна из стран-обвинителей не хотела, чтобы ее собственная внешняя политика и действия в ходе войны подвергались разбору на международной арене, поэтому Нюрнбергский устав ограничивал юрисдикцию трибунала действиями европейских стран Оси. Но в ответ на громкие заявления о «суде победителей» со стороны защиты и в качестве реакции на периодические утверждения Никитченко о несомненной виновности обвиняемых западные судьи с удвоенным усердием старались создать впечатление беспристрастного суда.

¹⁸ Советский термин «показательный процесс» означает процесс с откровенно воспитательными целями. О политических процессах и дидактическом легализме см.: *Shklar J. N. Legalism: Law, Moralism, and Political Trials*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1964.

¹⁹ Ее полное название – «Комиссия по руководству подготовкой обвинительных материалов и работой советских представителей в Международном военном трибунале в Нюрнберге».

²⁰ Речь о так называемом «процессе шестнадцати» – открытом суде над шестнадцатью руководителями польского Сопротивления и деятелями польского правительства в изгнании. Суд проходил в присутствии представителей зарубежной прессы в Москве 8–21 июня 1945 года. – *Примеч. ред.*

Военный альянс разваливался; разгоралась холодная война. Чем дальше, тем больше западные судьи потакали стороне подсудимых, позволяя им почти свободно обвинять СССР во многих военных преступлениях, зверствах и других нарушениях международного права во время выступлений стороны защиты. Советские преступления против мира – в том числе секретные протоколы к германо-советскому Пакту о ненападении от августа 1939 года, когда советские и нацистские руководители сговорились о захвате и разделе большей части Восточной Европы, – стали вначале секретом полишинеля, а затем вообще не секретом. Советские руководители хотели использовать международный трибунал для выработки нарратива о советском героизме и немецком предательстве, о советских страданиях и немецкой вине. Но сюжет очень скоро выскользнул из их рук. В конце концов они обнаружили, что их изображают соучастниками сговора с нацистским режимом, отказывая им и в достоинстве победителей, и в правоте жертв.

* * *

Полная история Нюрнбергского процесса требует широкого угла зрения. Необходимо осветить, как отношения между четырьмя странами-обвинителями реализовались в повседневной жизни американской оккупационной зоны Германии. Нужно показать и то, что происходило за сценой. В Нюрнберге кристаллизовались высокие идеалы правосудия и прав человека – и в то же время он был «кипящим, бурлящим интернационалом» (по словам Кармена), многоязычным сообществом с попойками до поздней ночи, сделками и интригами²¹. Телеграммы, отчеты разведки, стенограммы секретных совещаний из постсоветских архивов, частные письма и неопубликованные дневники участников и свидетелей Трибунала из США, Великобритании и России ясно показывают, что происходившее за кулисами, в барах и на частных вечеринках имело почти столь же важные последствия, что и наблюдавшееся участниками в зале суда. Там обвинители торговали друг с другом секретами, заключали альянсы, формировали блоки и сливали в прессу сверхсекретную информацию. Там журналисты из всех стран мира делились сплетнями о подсудимых и даже организовали тотализатор с денежными ставками на вердикты.

Эта книга рассказывает не только о международном праве и политике, но и о человеческих драмах. Ребекка Уэст, британская журналистка, освещавшая процессы для «Нью-Йоркера», так описывала свои тяжелые впечатления: «Особенно утомляла изоляция в маленьком помещении, отрезанном от нормальной жизни колючей проволокой армейских правил; постоянные столкновения с жуткими деталями отвратительной главы истории... Мы по-прежнему были под властью военной машины»²². Сотни иностранных корреспондентов и членов американской, британской, французской и советской делегаций вдали от дома чувствовали себя в Нюрнберге отрезанными от мира. В зале Дворца юстиции им приходилось выслушивать показания о невообразимых зверствах, поэтому вечерами они стремились по-человечески пообщаться и «разгрузиться», получив все доступные им удовольствия²³. Они держались благодаря шумным ужинам, дешевому виски в баре пресс-лагеря и не всегда целомудренным развлечениям в городском «Гранд-отеле». Советских корреспондентов и юристов предостерегали в Москве против сближения с западными людьми, за ними следили агенты их собственных спецслужб, а ночная жизнь Нюрнберга сталкивала их одновременно и с уникальными возможно-

²¹ РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 33.

²² West R. A Train of Powder. New York: Viking Press, 1955. P. 8.

²³ См. также: Tusa and Tusa. Nuremberg Trial. P. 230. На пике процесса его события освещали 300–400 журналистов. В зале суда одновременно помещалось меньше половины этого количества.

стями, и с опасностями. Под воздействием алкоголя советские представители иногда забывались.

Советский пресс-корпус в Нюрнберге насчитывал около сорока пяти сотрудников, назначенных освещать процессы для советской аудитории и иностранной прессы. Многие из них были отобраны лично Сталиным²⁴. Компанию Кармену составляли писатель Илья Эренбург, фотограф Евгений Халдей (ему принадлежат широко известные фотографии советских солдат на войне), журналист Борис Полевой, драматург Всеволод Вишневский, любимый политический карикатурист Сталина Борис Ефимов и другие опытные пропагандисты. Многие из них хорошо знали друг друга по фронту. Некоторые, в том числе Кармен, были евреями; несколько человек, включая Эренбурга, во время войны работали в Еврейском антифашистском комитете – официальном советском агентстве, которое публиковало свидетельства нацистских зверств и собирало за границей пожертвования для Красной армии. Все корреспонденты определяли себя как несомненно лояльных советских граждан. Все они делали карьеру в кипящем политическом котле сталинских 1930-х, защищали свою страну на фронте или в тылу в годы войны и наконец сошлись в Нюрнберге.

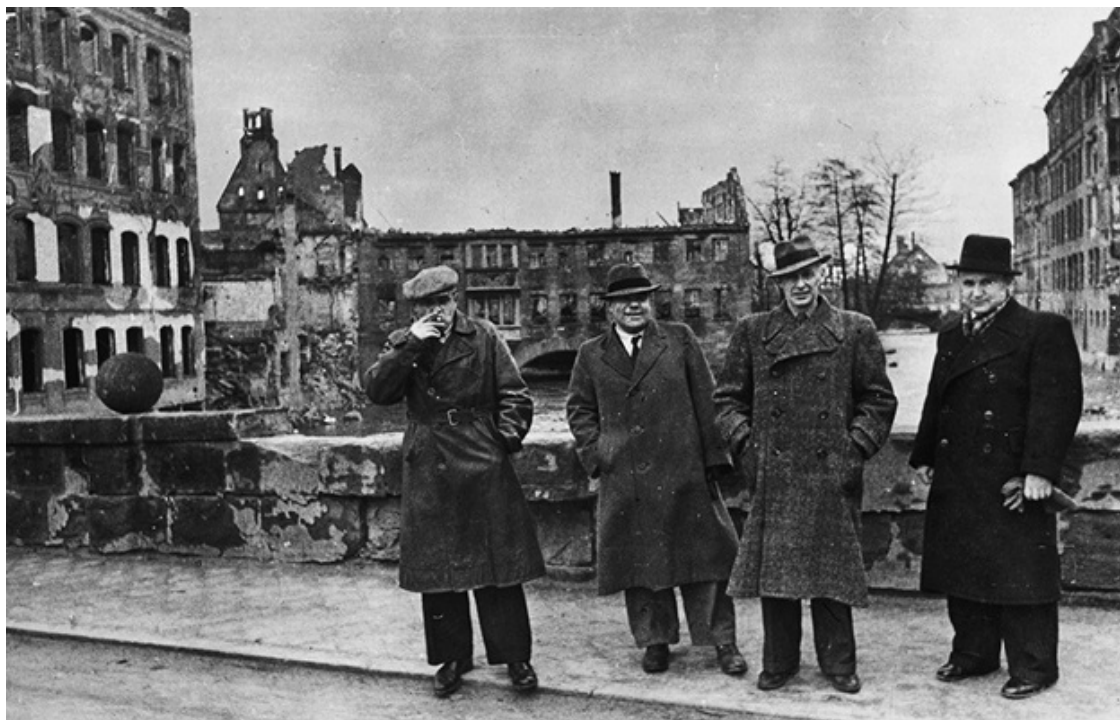
Некоторые были лучше подготовлены, чем другие, к жизни в Нюрнберге с его многочисленными видами неформального международного общения. Многие советские корреспонденты ценили возможность сблизиться с иностранными журналистами и поделиться с ними рассказами о войне. Кармен вспоминал: «Нас хлопали по плечу, с нами знакомились, пожимали руки, приглашали выпить виски у бара»²⁵. Другие чувствовали в Нюрнберге глубокое отчуждение, будучи уверены, что британцы и особенно американцы никогда по-настоящему не поймут, что перенесли советские люди под немецкой оккупацией. «Тут много смешного, много хамства, много нелепого», – отмечал Вишневский в одном из писем домой, удрученный обыденным отношением американцев к процессу и «разгулом» ночной жизни в Нюрнберге²⁶.

Советские юристы часто казались загадочными их западным коллегам. Американские, британские и французские обвинители и судьи еще могли понять Арона Трайнина: он учился за границей и его представления о военных преступлениях были известны на Западе. Никитченко и Руденко, члены коммунистической партии и карьерные бюрократы, имевшие только базовое образование и не понимавшие ни тонкостей, ни сложностей международных отношений, часто ставили их в тупик. Трайнин представлял обращенный к Западу фасад Советского Союза в вопросах послевоенной юстиции; Руденко и Никитченко представляли советскую традицию показательных процессов и имели репутацию партийных громил. Все трое получали распоряжения от Вышинского – серого кардинала советской группы юристов. Вышинский не играл официальной роли, но был ключевой фигурой в попытках СССР повлиять на ход процесса и на вердикты. В роли посредника между Кремлем и советской делегацией он контролировал поток информации, предоставляя Никитченко и Руденко деликатные сведения о советском прошлом (в том числе детали советско-германского сотрудничества) строго в минимально необходимом объеме. Он прилагал все усилия, чтобы в зал суда не просочились свидетельства собственных военных преступлений СССР.

²⁴ В число этих корреспондентов входили кинематографисты, фотографы и художники.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 33.

²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 629. Оп. 1. Д. 109. Л. 84–85 об.

Ил. 2. Роман Кармен (второй справа), Всеволод Вишневский (второй слева) и другие советские корреспонденты в свободное время изучают развалины Нюрнберга. 1945–1946 годы. Источник: РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 870. Л. 2

Советскую делегацию в Нюрнберге сопровождали письменные и устные переводчики, стенографы, машинистки, водители – и, разумеется, тайные агенты, подотчетные таким фигурам в Кремле, как Лаврентий Берия, глава Наркомата внутренних дел (НКВД), и Виктор Абакумов, глава Смерша (военной контрразведки)²⁷. Агенты в основном занимались тем, что следили за другими членами советской делегации и докладывали о результатах. На практике граница между агентами госбезопасности и остальными советскими представителями зачастую была размытой. Советские корреспонденты и даже некоторые заместители советских обвинителей тоже докладывали в Москву о последних событиях в ходе процесса, а также о приездах и отъездах членов делегации. Эта практика доносительства была обычной частью культуры сталинского периода. Порожденный ею корпус документов – кладезь для историка.

* * *

В конечном счете в Нюрнберге соединились правосудие и политика, смешались принципы, своекорыстные интересы и компромиссы. Полная история гораздо сложнее мифа – но не менее героичная. Все обвинители и судьи, журналисты и переводчики, юристы и дипломаты – американские, французские, британские и советские – работали долгие часы, курсируя между своими переполненными кабинетами и залом суда, с его отделкой из деревянных панелей и «зеленоватым мертвенным» освещением, день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем – почти целый год²⁸. Представители четырех разных государств с совершенно разными правовыми системами настойчиво стремились разоблачить нацистские преступления, которые, по словам американского главного обвинителя Роберта Х. Джексона, были «столь расчетливыми,

²⁷ О Смерше и НКВД см.: Birstein V. J. SMERSH: Stalin's Secret Weapon. London: Biteback, 2011.

²⁸ Polevoi B. Final Reckoning. P. 73 (цит. по изданию на рус. – Примеч. пер.).

столь злостными и столь разрушительными, что цивилизация не может терпеть пренебрежение ими, потому что не переживет их повторения»²⁹. Это была эмоционально гнетущая работа. Выслушивая показания о дыме и смраде лагерей смерти, изучая фотографии массовых захоронений и расчлененных тел, читая в уголовных делах бесчисленные доклады о зверствах, члены всех четырех делегаций безнадежно тосковали по дому, хотя все это не давало им забыть, что стоит на кону³⁰.

Эти мужчины и женщины прилагали все усилия, чтобы найти в Нюрнберге общий язык, и в некоторых важных аспектах у них это получилось. Они создали подробный свод свидетельств о преступлениях Третьего рейха. У них были общие моменты катарсиса. Они подтолкнули дело денацификации. Они установили прецедент, согласно которому развязывание агрессивной войны объявлялось преступлением, и заложили основу для развития новых международных законов и институтов, предназначенных для защиты прав человека на войне и в мирное время.

Это был коллективный труд – но не все партнеры были равны. Американцы, в чьей юрисдикции находились свидетели и обвиняемые нацисты, заключенные в тюрьму при Дворце юстиции, делали все возможное, чтобы переиграть советских представителей. Джексон не доверял им, но при этом недолюбливал и французов и с самого начала попытался взять под свой контроль ход судебного процесса. Американцы и британцы неплохо ладили между собой, но тоже соперничали за внимание публики.

В чем миф о «Нюрнбергском моменте» правдив, так это в изображении инициативности и энергии американцев. После того как процесс начался, американские обвинители и судьи делали все для продвижения своей повестки. Советские представители, так много сделавшие для запуска трибунала, постоянно оказывались на шаг позади. Они также оказались в изоляции, которая все время усиливалась, особенно когда дело дошло до опровержения встречных обвинений со стороны защиты. По ходу процесса зал суда в Нюрнберге превратился в площадку, где не только судили бывших нацистов, но и оценивали Советский Союз. Западные державы послали ясный сигнал Москве: зал международного суда не будет свободен от политики послевоенного соперничества. Советские представители, со своей стороны, расценили отказ западных судей пресечь нападки защиты на СССР как расчетливую политическую тактику, против которой советской стороне не хватало ресурсов бороться. Плохо понимая принцип действия свободы печати в западном обществе, они воспринимали публикацию утверждений подсудимых о советских военных преступлениях в американских и британских газетах как доказательство того, что западные журналисты (пусть и дружелюбные после пары совместно распитых рюмок в баре пресс-лагеря) сговорились со своими правительствами и проводят антисоветскую политику.

Советский Союз выиграл войну; в Нюрнберге он проиграл победу. В неустойчивом равновесии завис не только исход судьбы подсудимых, но и послевоенный порядок. Идеи и доводы о правосудии, военных преступлениях и правах человека, артикулированные во Дворце юстиции, вскоре спровоцировали дискуссии в ООН и других местах о включении Нюрнбергских принципов (в том числе понятий «преступления против мира» и «преступления против человечности») в новый международный уголовный кодекс. И хотя Советский Союз участвовал в формировании этих принципов, он также осознавал, что институты и язык международного права могут быть направлены и использованы против него. После Нюрнбергского процесса идеалы прав человека на десятилетия переплелись с политикой холодной войны.

²⁹ Jackson R. H. Opening Speech for the United States of America, November 21, 1945 // International Military Tribunal – Major War Criminals. <https://digitalcommons.law.uga.edu/imt/11> (дата обращения 10 января 2023 года).

³⁰ РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 253. Л. 39–40.

Часть I. Дорога в Нюрнберг

Глава 1

Когда война стала преступлением

Идея судить нацистских вождей международным трибуналом оформилась в СССР в самые мрачные дни немецкой оккупации. Красная армия остановила немецкое наступление на Москву в январе 1942 года. «Под могучими ударами Красной армии немецкие войска, откатываясь на запад, несут огромные потери в людях и технике», – объявил Сталин в одной речи месяцем позже³¹. Блеснул луч надежды, но реальность была сурова. С начала немецкого вторжения в июне 1941 года военные части вермахта продвинулись вглубь Советского Союза почти на тысячу километров, опустошив его самые промышленно развитые и плодородные области. Москва не была взята, но немцы оккупировали Киев и большую часть Крыма и осадили Ленинград. На самой Москве остались шрамы от немецких бомбардировок. Немецкие войска несли значительные человеческие потери, но жертв с советской стороны было намного, намного больше. За первые восемь месяцев войны в сражениях погибло более двух с половиной миллионов советских солдат, еще три миллиона попали в плен. Каждый убитый немецкий солдат обходился в двадцать жизней советских воинов³².

В следующие месяцы 1942 года Красная армия наступлениями и контр наступлениями продвигалась на юг по России и Украине, и солдаты своими глазами видели ущерб, причиненный нацистами. Большинство советских солдат и военных корреспондентов примерно представляли себе, что увидят, – нарком иностранных дел Молотов с ноября 1941 года публиковал свидетельства немецких зверств, – но даже самые закаленные не могли вообразить масштаба разрушений. Целые городские кварталы были обращены в прах и пепел, трупы лежали штабелями. В некоторых городах красноармейцы обнаруживали эшафоты, с которых все еще свисали тела. Один солдат написал домой в феврале 1942 года: что бы ни «писали в газетах» о немецкой оккупации, на самом деле все «гораздо хуже». Беженцы и немногие выжившие рассказывали о пытках, изнасилованиях, изувечениях и массовых убийствах³³.

Молотов продолжал публиковать свидетельства этих преступлений в СССР и за границей, подчеркивая их предумышленность и полное презрение захватчиков к международному праву. В своей «Третьей ноте о немецких зверствах» (апрель 1942 года) он ссылаясь на документы, захваченные в штабах разбитых немецких частей. Эти документы доказывали, что действия немцев – в том числе сожжения деревень и массовые убийства мирных жителей – являются частью плана, разработанного нацистским правительством. Молотов обещал, что германские вожди и их приспешники не уйдут от наказания³⁴. Он решил централизовать сбор

³¹ Сталин И. В. Приказ Народного комиссара обороны 23 февраля 1942 года № 55 город Москва. Горький: Горьковское областное издательство, 1942. С. 10. Доступен также в сети Интернет: <https://www.prilib.ru/item/360840> (дата обращения 10 января 2023 года).

³² Overy R. *Russia's War: A History of the Soviet War Effort, 1941–1945*. New York: Penguin Books, 1997. P. 117; Merridale C. *Ivan's War: Life and Death in the Red Army, 1939–1943*. New York: Picador, 2006. P. 146–147; Braithwaite R. *Moscow 1941: A City and Its People at War*. New York: Knopf, 2006. P. 273–274.

³³ Merridale C. *Ivan's War*. P. 127–129.

³⁴ Library of Congress, Manuscript Division, Robert H. Jackson Collection (LOC-RHJ). B. 95. F. 3. Note Sent by M. Molotov on April 17, 1942. Оригинал документа на русском см.: Архив внешней политики Российской Федерации (АВНПРФ). Ф. 06. Оп. 4. П. 8. Д. 75. Л. 2 – 14 об. Доступен в сети Интернет: <https://victims.rusarchives.ru/nota-narkoma-inostrannykh-del-sssr-molotova-27-aprelya-1942> (дата обращения 10 января 2023 года). Первые две ноты были опубликованы в Лондоне в 1942 году под заглавием «Molotov's Notes on German Atrocities». Отчеты НКВД и других ведомств о зверствах нацистов: АВНПРФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 7. Д. 73. Л. 17–39.

документов обо всех без исключения злодеяниях, совершенных на территории СССР в отношении его народов. Нацисты должны были ответить за все³⁵.

Весной 1942 года не только победа, но и дальнейшее существование СССР еще оставались под вопросом. Но советское правительство уже занялось вопросами военных преступлений, репараций и международного права, принципиально важных для послевоенного будущего. Центральную роль в этом деле играл Андрей Вышинский, в прошлом – обвинитель на Московских процессах 1936–1938 годов, а ныне заместитель наркома иностранных дел Молотова³⁶. До недавнего времени Вышинский работал директором Института права Академии наук СССР. Весной 1942 года Молотов поставил его во главе специальной комиссии, которая должна была оценить вопрос компенсации военного ущерба «с международно-правовой точки зрения». Вышинский поручил экспертам по международному праву из Института права изучить, как решался вопрос о репарациях по прежним мирным договорам, в частности по Версальскому договору после Первой мировой войны³⁷. Институт взялся за работу. Ею руководил Арон Трайнин, чья карьера и прежде была переплетена с карьерой Вышинского.

* * *

Вышинский и Трайнин сообща выработали советский подход к послевоенному правосудию. К 1942 году они хорошо знали друг друга. Оба родились в 1883 году с интервалом в несколько месяцев, обоих увлекли революционные течения того времени. Оба происходили из национальных меньшинств, преследуемых при царском режиме. Оба приняли большевистскую революцию и новую советскую идентичность. Оба оставили свой след в области права – но совершенно по-разному. Их пути сошлись в 1930-х годах.

Вышинский был обязан своей карьерой удаче и почти сверхъестественной чуткостью к веяниям времени. Он родился в Одессе в польской католической семье и вместе с родителями переехал в портовый город Баку. В юности он участвовал в подпольных марксистских кружках и стал известен в связи с убийствами агентов полиции. В 1908 году был арестован за организацию рабочей боевой дружины и провел четыре месяца в переполненной тюремной камере в Баку, где обсуждал теоретические вопросы революции с другим молодым заключенным, Иосифом Сталиным. После освобождения он продолжил образование и в 1913 году окончил юридический факультет Киевского университета. Вышинский и Сталин снова встретились в 1917 году, после Октябрьской революции; тремя годами позже по настоянию Сталина Вышинский вступил в партию большевиков. Он делал карьеру в партии, занимая разные должности, но особенно отличился в роли государственного обвинителя. С 1921 года преподавал право в Московском государственном университете, в 1925-м стал ректором университета и возглавил кампанию по очистке его от «политически ненадежных» преподавателей и студентов³⁸.

³⁵ Там же. Д. 69. Л. 1–9; *Sorokina M.* People and Procedures: Toward a History of the Investigation of Nazi Crimes in the USSR // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6. № 4. P. 797–831.

³⁶ Большой террор был кровавой кампанией политических репрессий, длившихся с 1936 по 1938 год.

³⁷ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 586. Оп. 4. Д. 6. Л. 1–3. Вышинский переписывался с директором Института права АН СССР Ильей Трайниным, запрашивая помощи Арона Трайнина и других специалистов.

³⁸ *Vaksberg A.* Stalin's Prosecutor: The Life of Andrei Vyshinsky. New York: Grove Weidenfeld, 1991. P. 13–31 (на рус.: *Ваксберг А. И.* Царица доказательств: Вышинский и его жертвы. М.: Книга и бизнес, 1992. – *Примеч. пер.*); *Rayfield D.* Stalin and His Hangmen: The Tyrant and Those Who Killed for Him. New York: Random House, 2004. P. 162.

Ил. 3. В. Д. Соколовский (справа) и А. Я. Вышинский (слева) присутствуют при подписании Г. К. Жуковым акта о капитуляции Германии. 8 мая 1945 года. Источник: Bundesarchiv, Bild 183-R83900/Wikimedia Commons, CC-BY-SA 3.0

Сталин восхищался беспощадностью Вышинского и в 1928 году сделал его судьей в первом большом советском показательном процессе. Пятьдесят три инженера из города Шахты в Ростовской области были обвинены в участии в преступной организации, которая якобы занималась в сговоре с иностранцами саботажем в советской угольной промышленности. Шесть недель Вышинский председательствовал в суде в московском Доме Союзов. Его холодная логика впечатляла иностранных журналистов и прочих наблюдателей. Все обвиняемые, кроме четырех, были осуждены; пятеро казнены³⁹. Через два года Вышинский председательствовал в суде над Промпартией. Восемь видных экономистов и ученых были обвинены в сговоре с Францией с целью свержения советского правительства; все были осуждены. Вскоре Сталин назначил Вышинского заместителем прокурора СССР и заместителем наркома юстиции РСФСР⁴⁰.

Вышинский завоевал уважение Сталина своей способностью устроить показательный процесс и повернуть закон в любом нужном направлении. После прихода Гитлера к власти в 1933 году карьера Вышинского пошла вверх. В середине 1930-х годов в СССР родился интернационализм нового типа: советские вожди искали союзников против растущей нацистской угрозы. В эти годы рухнули карьеры марксистских теоретиков права, таких как Евгений Пашуканис (первый директор Института права), усматривавших в международном праве не более чем прикрытие империалистических устремлений капиталистических государств⁴¹. Подход Вышинского был более прагматичным: он рассматривал международное право как набор норм,

³⁹ Kotkin S. Stalin: Paradoxes of Power, 1878–1928. New York: Penguin, 2014. P. 702–705.

⁴⁰ Vaksberg. Stalin's Prosecutor. P. 51–54, 62.

⁴¹ АРАН. Ф. 360. Оп. 4. Д. 400. Л. 1–14; Pashukanis E. Selections from the Encyclopedia of State and Law: International Law / Ed. P. Beirne, R. Sharlet. Selected Writings on Marxism and Law. London: Academic Press, 1980. P. 171–172.

регулирующих отношения между государствами; Советское государство могло бы использовать его для усиления и распространения своей власти⁴².

* * *

Трайнин родился в еврейской купеческой семье в провинциальном городе Витебске и получил юридическое образование в Московском университете. Студентом он тоже пробовал себя в революционном движении. Подобно Вышинскому он некоторое время провел в тюрьме за свою политическую деятельность. Трайнин окончил юридический факультет Московского университета в 1909 году, а перед Первой мировой войной занимался криминологией и работал мировым судьей, критикуя царский режим и призывая к реформам. В 1910 и 1913 годах он жил в Германии, где изучал сравнительное правоведение⁴³. После 1917 года он служил советской власти, но не вступил в ряды большевистской партии. Он был в числе той малой группы криминологов, которые применяли социологические подходы к праву. В 1919 году Трайнин вернулся в Московский университет, где позже и встретил Вышинского. После возвращения в Москву Трайнин занимался разработкой уголовного кодекса. В 1921 году получил профессорское звание, а в 1925 году стал старшим научным сотрудником в новосозданном Государственном институте по изучению преступника и преступности при НКВД⁴⁴. В этом же году Трайнин приехал в Берлин для изучения новшеств в немецком уголовном праве. Вернувшись после этой поездки в СССР, опубликовал работу «Кризис науки уголовного права» о политизации права в веймарской Германии. К началу 1930-х годов он приобрел репутацию острого юридического ума и занял должность в Институте права Академии наук СССР.

Вышинский держал на примете талантливых людей и взял Трайнина под крыло. После вступления СССР в Лигу Наций в 1934 году Трайнин сообща с Вышинским занялся выработкой советского подхода к международному праву. Он стал изучать международно-правовые проекты, разработанные после Первой мировой войны. Его работа 1935 года «Уголовная интервенция» стала первым исследованием в этой сфере. Трайнин утверждал, что движение за унификацию международного права в 1920-х и начале 1930-х годов провалилось потому, что Лига Наций направила все свои усилия на попытки остановить коммунистическую экспансию и игнорировала единственную реальную, по его мнению, проблему: как предотвратить «агрессивную войну». Трайнин критиковал за эту недалекость нескольких правоведов, в том числе варшавского юриста Рафала Лемкина и его румынского коллегу Веспасиана Пеллу. Трайнин называл «военную агрессию» «огромным, неизмеримым по последствиям злом, грозящим смертью и разорением миллионам трудящихся», и провозглашал, что СССР готов играть активную роль в «борьбе за мир»⁴⁵.

⁴² Вышинский А. Я. К положению на фронте правовой теории. М.: Юридическое издательство НКЮ, 1937. См. также: Solomon P. H. Jr. Soviet Criminology – Its Demise and Rebirth, 1928–1963 / Ed. R. Hood. Crime, Criminology and Public Policy: Essays in Honour of Sir Leon Radzinowicz. New York: Free Press, 1975. P. 571–593.

⁴³ Трайнин А. Н. Я жил за чертой // Молодая гвардия. 1937. Вып. 93. № 8. С. 42–44; Он же. Воспоминания о Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1991. № 2. С. 56–63; № 3. С. 40–48; № 4. С. 32–39; № 5. С. 39–46. См. также: Traynina M. A. N. Traynin: A Legal Scholar under Tsar and Soviets // Soviet Jewish Affairs. 1983. Vol. 13. № 3. P. 45–54. О Трайнине как криминологе см.: Neuberger J. Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley: University of California Press, 1993; Engelstein L. The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siecle Russia. Ithaca: Cornell University Press, 1992 (на рус.: *Энгельштейн Л.* Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М.: Терра, 1996. – Примеч. пер.).

⁴⁴ Уголовное право РСФСР. Часть особенная. М.: Юридическое издательство НКЮ, 1925; Трайнин А. Н. Кризис науки уголовного права. М.: Право и жизнь, 1926.

⁴⁵ Трайнин А. Н. Уголовная интервенция. Движение по унификации уголовного законодательства капиталистических стран. М.: Советское законодательство, 1935. С. 18–21, 44–46. См. также: Ginsburgs G. Moscow's Road to Nuremberg: The Soviet Background to the Trial. The Hague: Martinus Nijhoff, 1996. P. 19.

Трайнин развил свою критику международного права в работе «Защита мира и уголовный закон», опубликованной в 1937 году (в разгар сталинского Большого террора). Он снова раскритиковал Лигу Наций за то, что она принимала как должное легальность войны. Он признавал, что пакт Бриана – Келлога от 1928 года, амбициозный многосторонний мирный договор, подписанный Советским Союзом и шестьюдесятью одной страной, был важным шагом вперед. Но этого было мало. Подписанты отказались считать войну «инструментом национальной политики», но не дотянули до того, чтобы признать ведение войны наказуемым правонарушением. Трайнин отметил, что в действующем международном праве «порой недозволенная охота за зайцами карается строже, чем организация военного истребления людей». Он призвал создать международный уголовный трибунал для суда над «лицами, нарушающими мир»⁴⁶.

Вышинский приложил руку к этой книге в качестве редактора и написал к ней предисловие, где предложил подвести все акты посягательства на мир под действие новой международной уголовно-правовой конвенции⁴⁷. Это смелое предложение было продиктовано растущей угрозой со стороны Германии и Японии, которые только что подписали Антикоминтерновский пакт, открыто направленный против СССР.

Благодаря гитлеровской Германии публикация трудов Трайнина оказалась своевременной, но без влияния Вышинского она бы не состоялась. В 1935 году Вышинский стал прокурором СССР и служил правой рукой Сталина в его кампании против так называемых «врагов народа». В качестве обвинителя на трех Московских процессах (в августе 1936-го, январе 1937-го и марте 1938 года) Вышинский набрасывал обвинительные заключения еще до передачи в суд сфабрикованных уголовных дел. В этих показательных процессах он применял язык международного права, разработанный в том числе и в работах Трайнина, требуя казни подсудимых как «террористов» на службе у враждебных иностранных государств. Сплетая паутину виновности при помощи концепции «соучастия», Вышинский обвинял подсудимых в участии в «заговоре» с целью свержения советского режима. Так сталинская паранойя облеклась в юридическую терминологию.

В январе 1937 года Вышинский стал директором Института права вместо Пашуканиса, который был арестован и расстрелян (как и сотни тысяч других людей) по обвинению в «троцкизме»⁴⁸. На этом посту Вышинский при помощи Трайнина продолжал переписывать советское законодательство, как того требовали сталинские политические интриги. В 1940 году Сталин назначил Вышинского заместителем наркома иностранных дел. В следующем году Трайнин опубликовал «Учение о соучастии», в котором облек покровом правовой легитимности концепцию, использованную Вышинским на Московских процессах⁴⁹.

Поэтому неудивительно, что весной 1942 года, столкнувшись с неотложными вопросами о военных преступлениях, международном праве и репарациях, Вышинский обратился к Трайнину. Со своей стороны, Трайнин, который эвакуировался вместе с Институтом права в Ташкент, рад был помочь в своем стремлении сделать все возможное для борьбы с нацистскими захватчиками. Он и другие эксперты по международному праву уже работали консультан-

⁴⁶ Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. М.: Юридическое издательство НКЮ, 1937. С. 21–32; Ginsburgs. Moscow's Road to Nuremberg. 20–23; Avalon Project at Yale University Law School (APYULS). Kellogg-Briand Pact 1928. http://avalon.law.yale.edu/20th_century/kbpact.asp (дата обращения 10 января 2023 года). О пакте Бриана – Келлога см. также: Hathaway O. A., Shapiro S. J. The Internationalists: How a Radical Plan to Outlaw War Remade the World. New York: Simon and Schuster, 2017. P. 121–130.

⁴⁷ Вышинский А. Я. Предисловие / Трайнин. Защита мира и уголовный закон. С. 4.

⁴⁸ В данном контексте «троцкизм» – бранное слово в адрес предполагаемых последователей Льва Троцкого, которого Сталин ложно обвинил в сговоре с иностранными государствами против СССР. Вышинский. К положению на фронте правовой теории. С. 5; Vaksberg. Stalin's Prosecutor. P. 70, 79; Solomon P. H. Jr. Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

⁴⁹ Трайнин А. Н. Из книги «Учение о соучастии» (1941) // Трайнин А. Н. Избранные труды / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 247–368. Эта книга Трайнина была посвящена бытовым преступлениям, но вскоре он ввел идею соучастия в контекст международного права.

тами советского правительства над такими важными вопросами, как правовой статус партизан, которые играли ключевую роль в советской борьбе с нацистами на оккупированной территории⁵⁰. Нацисты настолько жестоко обращались с мирными жителями, что явно требовалось полностью пересмотреть нормы закона. Приняв поручение Вышинского, Трайнин обратился к проблеме уголовной ответственности и в конце концов поставил вопросы, далеко выходящие за рамки проблемы репараций. Какие действия государств во время войны следует считать наказуемыми деяниями по международному праву? Что должно сказать международное право о зверствах во время агрессивной войны? Какие санкции можно применить к руководителям «бандитского» государства, которое напало на другие страны и устроило «глумление над принципами и нормами, признанными всем цивилизованным человечеством», преследуя свою «грабительскую цель»?⁵¹ Трайнин сформулировал свои ответы в диалогах с Вышинским как реакцию на сообщения об ужасах нацистской оккупации. Именно они в конечном счете сформировали подход союзных держав к военным преступлениям.

* * *

Британцы и американцы весной 1942 года тоже столкнулись с проблемой, как реагировать на немецкие зверства. Депортации и убийства мирных жителей в оккупированной нацистами Европе приняли немыслимые ранее масштабы, а свидетельства о них продолжали поступать благодаря неустанным усилиям европейских правительств в изгнании. В январе в Лондоне состоялась встреча представителей эмигрантских правительств Польши, Чехословакии, Югославии, Греции, Бельгии, Нидерландов, Норвегии, Люксембурга и Национального комитета «Сражающаяся Франция» (правительства Франции в изгнании). Они декларировали намерение наказать нацистов и их союзников при помощи инструментов международного права и попросили другие союзные державы договориться о совместных действиях. Но британцы и американцы пока не стремились судить военных преступников международным трибуналом⁵². Они слишком хорошо помнили провал подобных попыток после Первой мировой войны и не представляли, как мог бы выглядеть такой суд. Как именно можно судить за массовые убийства такого масштаба?

В июне 1942 года – через девять дней после уничтожения нацистами чехословацкой деревни Лидице в ответ на убийство начальника РСХА Рейнхарда Гейдриха – премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль и президент США Франклин Рузвельт встретились в Вашингтоне и обсудили создание комиссии по расследованию преступлений стран Оси. Ни одна из сторон, участвовавших в этих переговорах, не хотела наделять такой орган реальной властью. Гарри Хопкинс, бывший администратор «Нового курса», ставший ближайшим советником Рузвельта (с мая 1940 года он постоянно жил в Белом доме), набросал проект создания следственного органа, который должен был работать независимо от союзнических правительств и играть в основном пропагандистскую роль. Его целью было не определение наказаний за совершение военных преступлений, а предание огласке фактов этих преступлений с целью приобрести поддержку военных усилий союзников. Хопкинс хотел составить эту комиссию из знаменитых людей с безупречной репутацией, таких как советский писатель

⁵⁰ АРАН. Ф. 499. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–9, 20–39 (о партизанах см. особенно л. 37–39).

⁵¹ АРАН. Ф. 499. Оп. 1. Д. 42. Л. 19–40; Трайнин А. Н. Об уголовной ответственности гитлеровцев: стенограмма публичной лекции. М.: Совнарком СССР, 1943. С. 3. Эту публичную лекцию он впервые прочел 10 сентября 1943 года в московском Доме Союзов. См.: АРАН. Ф. 1711. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁵² Inter-Allied Information Committee, The Inter-Allied Declaration Signed at St. James Palace, London, on 13th January, 1942, and Relative Documents. London: HMSO, 1942; Ginsburgs G. Moscow's Road to Nuremberg. P. 34; Kochavi A. J. Prelude to Nuremberg: Allied War Crimes Policy and the Question of Punishment. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1998. P. 17–20.

Алексей Толстой и восьмидесятилетний бывший председатель Верховного суда Чарльз Эванс Хьюз. Эта комиссия должна была распространять информацию о немецких зверствах и отчитываться перед союзными правительствами⁵³.

Ил. 4. Арон Трайнин. 1945 год. Источник: Американский мемориальный музей Холокоста. Предоставлено Джозефом Итоном

Британское Министерство иностранных дел со своей стороны стало набрасывать проект комиссии по военным преступлениям, которая была бы теснее связана с союзными правительствами, но при этом сходным образом служила бы следственным органом, не уполномоченным наказывать преступников. Британский министр иностранных дел Энтони Иден предложил, чтобы каждое союзное государство самостоятельно судило рядовых немцев, совершивших преступления против его граждан. Но Иден признавал, что преступления Гитлера, Германа Геринга и других нацистских вождей слишком велики для любого суда и поэтому наказание

⁵³ Kochavi A. Prelude to Nuremberg. P. 21–28; Memorandum Prepared by Mr. Harry L. Hopkins for President Roosevelt, September 24, 1942 // Foreign Relations of the United States (FRUS). 1942. Vol. 1. P. 56–57.

за них должно назначаться союзными правительствами во внесудебном порядке. Британское правительство в конце концов внесло предложение, отражавшее точку зрения Идена⁵⁴.

Правительства в изгнании публиковали все больше свидетельств происходившего в оккупированной Европе и требовали рейдов возмездия против немецких городов. Этим они все сильнее принуждали американское и британское правительства к активным действиям. Очевидно, что одной пропаганды было недостаточно. В августе 1942 года Иден пригласил представителей правительств в изгнании на частную встречу в Лондоне и поделился с ними британским проектом комиссии по военным преступлениям. Рузвельт изучил этот проект в Вашингтоне и ответил уклончиво. 21 августа Рузвельт публично сообщил, что получил новые свидетельства роста «актов подавления и террора» в оккупированной Европе, способных привести к «уничтожению определенных народов». Он пообещал, что США пустят в ход эти свидетельства и что преступники предстанут перед судами в угнетенных ими странах, где «ответят за свои действия»⁵⁵.

Черчилль не любил плестись в хвосте. 8 сентября он объявил, что британское правительство ожидает увидеть преступников «перед судом во всех странах». В конце сентября британцы, разочарованные тем, что Рузвельт тянет с ответом на их проект, решили двигаться дальше, с американцами или без них. 3 октября британское Министерство иностранных дел разослало всем союзникам меморандум о том, что вскоре британское правительство объявит о создании комиссии по расследованию немецких зверств, и пригласило к участию. Американцы поняли, что время поджигает, и вступили в игру. 7 октября Рузвельт и британский лорд-канцлер Джон Саймон публично пообещали учредить комиссию стран-союзников для суда над нацистскими военными преступниками⁵⁶.

Эта декларация сблизила британцев с американцами, но вызвала недовольство СССР. Советский Наркомат иностранных дел все еще находился в Куйбышеве (ныне Самара), куда эвакуировался во время наступления немцев на Москву в 1941 году, и получил меморандум британского МИД только 6 октября. Сталин и Молотов пришли в ярость оттого, что британцы не дождались их ответа. Их гнев только усилился, когда они узнали, что британцы обсуждают с американцами детали проекта комиссии сепаратно⁵⁷. Эти чувства подогревались недоверием Сталина к союзникам. Он уже и без этого негодовал, поскольку Черчилль и Рузвельт не сдержали обещания открыть Второй фронт на Западе, и тревожился, как бы Черчилль не заключил с нацистами сепаратный мир. Отказ британского правительства возбудить уголовное дело против гитлеровского заместителя Рудольфа Гесса укреплял его подозрения; Гесс попал в британскую тюрьму за семнадцать месяцев до того, в одиночку бежав из Германии в Великобританию, по его словам, для переговоров о мире между двумя государствами⁵⁸.

Теперь советские руководители твердо решили захватить инициативу и сдвинули рамки дискуссии, публично заявив, что следует немедленно разработать план международного процесса над главными военными преступниками – а именно этого британцы и американцы надеялись избежать. Советское руководство оформило это требование как непосредственный ответ на январское предложение правительств в изгнании, решив полностью игнорировать британский меморандум. 14 октября 1942 года посреди ночи в Куйбышеве заместитель наркома иностранных дел Соломон Лозовский вызвал посла Чехословакии и представителя Национального

⁵⁴ Kochavi A. Prelude to Nuremberg. P. 28–31.

⁵⁵ Ibid. P. 33–34; Roosevelt F. D. Statement Warning against Axis Crimes in Occupied Countries // The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1942 Volume: Humanity on the Defensive. New York: Harper, 1950. P. 329–330.

⁵⁶ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 137. Л. 1–2; Kochavi A. Prelude to Nuremberg. P. 33–34; Sorokina M. People and Procedures. P. 814–815.

⁵⁷ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 137. Л. 5–8, 13–17, 21–23.

⁵⁸ О сталинских тревогах по поводу Гесса см.: АВПРФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 1. Д. 14. Л. 57–61. О подозрениях Сталина в адрес британцев и злости на их неспособность открыть второй фронт: Overy R. Russia's War. P. 70, 167–169.

комитета Франции и вручил им заявление Молотова об уголовной ответственности нацистских преступников («гитлеровцев») за зверства в оккупированной Европе. В заявлении утверждалось, что Гитлер, Геринг, Гесс, Иоахим фон Риббентроп и другие нацистские руководители должны предстать перед судом «специального международного трибунала» и получить наказание «по всей строгости уголовного закона». Молотов призывал к сотрудничеству все заинтересованные государства в деле поимки, суда и вынесения приговора нацистским руководителям и настаивал, чтобы те, кто уже находится в руках союзников (то есть Гесс), предстали перед судом безо всякого промедления⁵⁹. На следующий день советское правительство опубликовало этот документ⁶⁰. 19 октября передовица в «Правде» обвинила британское правительство в защите Гесса от наказания и назвала Англию «убежищем для гангстеров»⁶¹.

Москва также быстро взялась за организацию своей собственной комиссии по военным преступлениям – а работа над этим велась с апреля 1942 года, когда Молотов призвал к централизации усилий по разоблачению немецких зверств. Вышинский и Трайнин занимались международно-правовым аспектом проблемы репараций, а советские руководители пререкались по поводу формы и функций этой комиссии. Британско-американское заявление подстегнуло деятельность советского руководства. Между 17 и 20 октября Молотов, Вышинский и Лозовский проработали финальную версию проекта Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в СССР. В конце октября Сталин одобрил их проект, а 2 ноября советское правительство издало указ о создании комиссии⁶².

Чрезвычайная государственная комиссия была совершенно новым учреждением. Она была составлена из государственных служащих и деятелей культуры; последних включили в ее состав в основном благодаря их способности объяснять происходящее на языке, понятном внешнему миру. В комиссию вошли писатели Алексей Толстой и Илья Эренбург, врач Николай Бурденко, руководитель профсоюзов Николай Шверник и митрополит Киевский и Галицкий Николай (епископ Русской православной церкви). Эта комиссия руководила множеством подкомиссий по всему Советскому Союзу, которые вскоре взяли на себя мучительную работу по сбору доказательств и подготовке судебных дел. Она была тесно связана с Наркоматом иностранных дел и аппаратом госбезопасности. Шверник был ее номинальным руководителем, а Вышинский – фактическим; временами последний сотрудничал с органами госбезопасности, оформляя, а иногда даже фабрикуя (как минимум в нескольких случаях) письменные показания и отчеты⁶³. Учредив Чрезвычайную государственную комиссию, советское руководство начало свою собственную работу по привлечению нацистов к суду.

⁵⁹ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 4. Д. 35. Л. 42–49; П. 6. Д. 65. Л. 42–57; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1045. Л. 2, 60, 82.

⁶⁰ Заявление Советского правительства об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы // Правда. 1942. 15 октября. С. 1.

⁶¹ Преступную гитлеровскую клику к ответу // Правда. 1942. 19 октября. С. 1. Статья была перепечатана в «Совет уор ньюз» (издании советского посольства). Оригинал см. в: АВПРФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 137. Л. 19.

⁶² АВПРФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 7. Д. 69. Л. 12–14, 17–30. В этом деле содержится указ от 2 ноября 1942 года. Ее полное название: «Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР».

⁶³ Там же. См. также: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 4. Д. 113. Л. 5–6; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 79. Л. 9–14; Sorokina M. People and Procedures. P. 804–805, 815–824. Катынь – самый очевидный пример фабрикации. Сорокина утверждает, что это «далеко не единственный подобный случай». О советской фабрикации свидетельств в Черекском районе Кабардино-Балкарии на Северном Кавказе см.: Черекская трагедия / Ред. К. Г. Азаматов, М. О. Темиржанов, Б. Б. Темукуев, А. И. Тетуев, М. Чеченов. Нальчик: Эльбрус, 1994. (В Черекском ущелье Кабардино-Балкарской АССР в конце ноября – начале декабря 1942 года 11-я стрелковая дивизия НКВД проводила бои с дезертирами, однако операция переросла в борьбу с возникшим там повстанческим движением, сопровождалась захватом силами НКВД заложников из числа гражданских лиц и привела в итоге к убийству более тысячи мирных жителей. – Примеч. ред.)

Тем временем дипломаты по-прежнему маневрировали, попусту болтали и тянули время. 21 октября в Лондоне Иден пожаловался в палате общин, что британское правительство все еще ждет советского ответа на свой проект союзнической комиссии по военным преступлениям⁶⁴. Британцам пришлось ждать еще две недели: 3 ноября, на следующий день после создания Чрезвычайной государственной комиссии, Молотов послал раздраженную ноту британскому послу сэру Арчибальду Кларку Керру. Момент был выбран не случайно. Молотов жестко раскритиковал британское правительство за то, что оно не проконсультировалось сначала с СССР, и назвал его проект слишком скромным и неспособным удовлетворить народы, катастрофически пострадавшие от немецкой оккупации. Молотов подчеркивал, что любая союзническая комиссия должна быть наделена полномочиями наказывать нацистских вождей. Чрезвычайная государственная комиссия готова была представить доказательства чудовищности их преступлений⁶⁵.

Через два дня, 5 ноября, Сталин и Молотов приняли Керра в Кремле. Сталин обвинил британское правительство в лицемерии: оно призывало к расследованию военных преступлений, но при этом укрывало Гесса. Он спросил, и лишь наполовину в шутку, о том, стали бы британцы подобным образом обращаться с Геббельсом. Керр заверил Сталина, что британцы вовсе не собираются ни с кем нянчиться, но усомнился, что имеет смысл судить Гесса или Гитлера международным трибуналом – ведь их преступления слишком велики для любых юридических процедур. Керр выразил надежду, что Сталин, Рузвельт и Черчилль вынесут внесудебное постановление о повешении Гитлера. Сталин возразил на это предложение: если не будет суда, публика решит, что лидеры союзников вершат правосудие победителей⁶⁶. А вешать с тем же успехом можно и после суда.

Правосудие победителей само по себе не смущало советских вождей: Сталин много лет вершил его над своими противниками. Но он хорошо чувствовал, насколько выигрышнее с точки зрения пропаганды будет смотреться международный трибунал, чем казнь по внесудебному декрету. На Московских процессах Вышинский предъявил Льву Каменеву, Николаю Бухарину и другим большевистским лидерам сфабрикованные обвинения в сотрудничестве с нацистами и сговоре с Гитлером ради «установления фашистской диктатуры в России»⁶⁷. Суд над нацистскими вождями порадовал бы измученный войной советский народ, вызвал бы коллективный катарсис, а также заложил бы основу для репараций.

Сталин и Керр воображали себе принципиально разные вещи. Советские руководители считали вину нацистов очевидной; их удовлетворил бы только такой процесс, где обвиняемые сознались бы в своих преступлениях (желательно по подготовленному сценарию), а затем были бы немедленно казнены. Британцы со своей стороны представляли себе суд со всеми его обычными ритуалами и процедурами, с презумпцией невиновности подсудимых и с адвокатами в париках. Они не видели смысла в ином большом процессе – особенно ввиду того, что гораздо проще было бы назначить наказание внесудебным декретом⁶⁸. Советские руководители еще мечтали судить Гитлера, Гесса и других международным трибуналом, а тем временем 12 ноября Молотов ответил компромиссной нотой: он согласился, чтобы союзные правительства совместно решили, как наказать нацистских руководителей; процедуру следовало определить позже. На другой встрече в конце ноября Молотов выразил понимание, когда Керр сослался на желание британских и американских правительств судить пленных нацистских руководителей (в частности, Гесса) только после войны из опасения перед ответными акциями немцев.

⁶⁴ Kochavi A. Prelude to Nuremberg. P. 39.

⁶⁵ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 137. Л. 5–17.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 284. Л. 11–21, 34–36; АВПРФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 1. Д. 14. Л. 57–61.

⁶⁷ Vyshinsky A. Y. Traitors Accused: Indictment of the Piatakov-Radek Trotskyite Group. New York: Workers Library, 1937. P. 6.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 284. Л. 34–36.

Затем возникло новое разногласие: следует ли судить рядовых военных преступников национальными судами или международным трибуналом⁶⁹.

Пока советские и британцы пререкались о деталях суда над военными преступниками, нацисты терроризировали Европу. 17 декабря 1942 года Великобритания, США, СССР и европейские правительства в изгнании опубликовали совместное заявление, где ссылались на сообщения об убийстве «многих сотен тысяч» невинных еврейских мужчин, женщин и детей, депортированных нацистами в Восточную Европу. (К тому моменту реальное количество еврейских жертв исчислялось уже миллионами.) Подписанты заверяли, что виновные не уйдут от наказания⁷⁰. На следующий день СССР опубликовал свой собственный отчет «Об осуществлении гитлеровскими властями плана истребления еврейского населения Европы». Он вышел в главных советских газетах и в английском переводе распространялся за рубежом. В отчете высказывалась солидарность с европейскими правительствами в изгнании и документировалась «оргия разбоя и убийства» евреев в Украине, Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии и других частях Советского Союза⁷¹. Наркомат иностранных дел при помощи Чрезвычайной государственной комиссии и НКВД собрал исчерпывающие свидетельства нацистских мер по уничтожению еврейского населения. Это был решающий шаг к тому, чтобы сделать их общеизвестным фактом⁷².

В январе 1943 года, в то время как советские войска брали вермахт в кольцо в разбомбленном Сталинграде, советские дипломаты пересмотрели свою позицию по вопросу о рядовых военных преступниках. Теперь они согласились с британским предложением, чтобы каждая страна-союзник судила их собственным судом. Красная армия захватила в плен тысячи немецких офицеров и солдат, так что этот подход неожиданно оказался в интересах Москвы. У советских руководителей также возникло новое желание участвовать в союзнической комиссии по военным преступлениям, но с одним условием: эта комиссия должна была включать только представителей стран, которые активно сражались со странами Оси и «несут на себе тяжесть военных действий и оккупации». Это требование было нелегко исполнить, потому что британцы уже пригласили в комиссию США, СССР, Китай, европейские правительства в изгнании, Индию и британские доминионы – Австралию, Канаду, Новую Зеландию и Южную Африку⁷³. Сталин с его тонким чутьем баланса сил полагал, что участие доминионов позволит британцам манипулировать повесткой комиссии.

В последующие месяцы Красная армия наступала через степи и Украину, освобождая ключевые области от немецких войск. В феврале 1943 года она освободила Курск, Ростов и Харьков. Советские солдаты вступали в разрушенные и обезлюдившие города; жилые дома стояли в руинах, повсюду бродили голодные и оборванные женщины и дети. Жители Харькова рассказывали о депортациях, массовых казнях и публичных повешениях; снег таял и обнажал массовые захоронения. Чрезвычайная государственная комиссия направила фотографов снимать руины. Красная армия удерживала Харьков лишь около месяца. В середине марта она

⁶⁹ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 1. Д. 14. Л. 60–61.

⁷⁰ 11 Allies Condemn Nazi War on Jews: United Nations Issue Joint Declaration of Protest on Cold Blooded Extermination // New York Times. 1942. December 18. P. 1.

⁷¹ Об осуществлении гитлеровскими властями плана истребления еврейского населения Европы // Известия. 1942. 19 декабря. С. 1; Russia Issues Statement // New York Times. 1942. December 20. P. 23. См. оригинал: АВПРФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 7. Д. 67. Л. 53–67. Советский Еврейский антифашистский комитет и прежде публиковал свидетельства убийств евреев нацистами в оккупированной части СССР, но это было первое подобное заявление, выпущенное Наркоматом иностранных дел.

⁷² Berkhoff K. C. Total Annihilation of the Jewish Population: The Holocaust in the Soviet Media, 1941–45 / Ed. M. David-Fox, P. Holquist, A. M. Martin. The Holocaust in the East: Local Perpetrators and Soviet Responses. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2014. P. 83–117. Беркхофф спорит с другими историками Холокоста, опровергая мнение, будто советская власть скрывала информацию о целенаправленных убийствах евреев нацистами.

⁷³ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 20. Д. 221. Л. 14–15 (документ опубликован в сборнике: СССР и германский вопрос: В 3 т. М., 1996. Т. 1. С. 657–658. – Примеч. пер.).

была вынуждена отступить, жители города вновь стали жертвой – на этот раз мести вернувшихся немцев⁷⁴.

А вопрос советского участия в союзнической комиссии по военным преступлениям так и оставался нерешенным. Британское правительство развивало свой план организации комиссии, предложив устроить ее штаб-квартиру в Лондоне, а филиалы в Чунцине, Вашингтоне и Москве⁷⁵. Последняя из локаций была предложена в угоду советскому руководству, но Сталин не заинтересовался: он не хотел, чтобы британцы и американцы вмешивались в советское расследование военных преступлений.

У Сталина были причины опасаться западного вмешательства ввиду всплывшего свидетельства об одном советском военном преступлении. В апреле 1943 года по «Радио Берлин» объявили, что немецкие власти обнаружили тела 10 тысяч польских офицеров, захороненных в ямах в Катынском лесу недалеко от Смоленска. Нацисты обвинили в этом преступлении большевиков. Советская сторона назвала это обвинение ложью и заявила, что это сами «немецко-фашистские разбойники» убили поляков, а также советских мирных жителей летом 1941 года после отступления советских войск. Польское правительство в изгнании попросило Международный Красный Крест изучить место захоронения. СССР выступил против этого запроса и разорвал дипломатические отношения с польским правительством в изгнании, обвинив его в измене⁷⁶. Вскоре после этого Международная комиссия по Катыни, созданная при немецкой поддержке и включавшая ученых в основном из стран Оси, произвела раскопки и подтвердила советскую вину в этом преступлении⁷⁷.

Катынь поставила американских и британских лидеров в сложное политическое положение. Рузвельт и Черчилль имели на руках донесения западных дипломатов и разведчиков, которые указывали на советскую вину в этом массовом убийстве, – но решили их игнорировать из опасения, что разрыв со Сталиным подорвет альянс против Германии. Черчилль дошел до того, что заверил Сталина, что будет «решительно возражать» против расследования Красного Креста⁷⁸. Советской стороне, конечно, было что скрывать. Весной 1940 года в нескольких местах, включая Катынь, сотрудники НКВД по поручению партии убили около 22 тысяч польских офицеров и представителей польской интеллигенции⁷⁹. Теперь советская сторона начала замечать следы, в том числе фабриковать улики, чтобы вбросить их на месте преступления⁸⁰.

⁷⁴ Feferman K. Soviet Investigation of Nazi Crimes in the USSR: Documenting the Holocaust // Journal of Genocide Research. 2003. Vol. 5. № 4. P. 587–602; Shneer D. Through Soviet Jewish Eyes: Photography, War, and the Holocaust. New Brunswick: Rutgers University Press, 2012. P. 140–143; Werth A. Russia at War, 1941–1945. New York: Carroll and Graf, 1964. P. 609–618.

⁷⁵ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 17. Д. 166. Л. 1–7.

⁷⁶ Radio Communiqué on the Discovery of Graves of Polish Officers in the Smolensk Area, April 13, 1943, Berlin, 9:15 a. m.; Communiqué Issued by the Sovinformburo Attacking the German «Fabrications» about the Graves of Polish Officers in Katyn Forest, April 15, 1943, Moscow; Statement of the Polish Government Concerning the Discovery of the Graves of Polish Officers Near Smolensk, April 17, 1943, London // Katyn: A Crime without Punishment / Eds A. M. Cienciala, N. S. Lebedeva, W. Materski. New Haven: Yale University Press, 2007. P. 305–309. См. также: ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 132. Л. 56–61.

⁷⁷ Records Relating to the Katyn Forest Massacre at the National Archives // National Archives and Records Administration. <https://www.archives.gov/research/foreign-policy/katyn-massacre> (дата обращения 10 января 2023 года).

⁷⁸ Lowe C. Wartime Allies Hushed Up Katyn Massacre of Poles: Documents // Reuters. 2012. September 11. <https://www.reuters.com/article/us-usa-poland-katyn/war-time-allies-hushed-up-katyn-massacre-of-poles-documents-idUSBRE88A00020120911> (дата обращения 10 января 2023 года).

⁷⁹ Предложение об убийстве поляков исходило от Лаврентия Берии и было одобрено Политбюро 5 марта 1940 года. См.: Beria Memorandum to Joseph Stalin Proposing the Execution of the Polish Officers, Gendarmes, Police, Military Settlers, and Others in the Three Special POW Camps, Along with Those Held in the Prisons of the Western Regions of Ukraine and Belorussia, Accepted by the Politburo March 5, 1940, Moscow // Katyn: A Crime without Punishment. P. 118–120. Редакционная дискуссия о советском преступлении и заматании следов: Ibid. P. 121–148, 318–319. См. также: Paul A. Katyn: Stalin's Massacre and the Triumph of Truth. De Kalb: Northern Illinois University Press, 1991.

⁸⁰ Sorokina M. People and Procedures. P. 826–830; Wasilewski W. The Birth and Persistence of the Katyn Lie // Case Western Reserve Journal of International Law. 2012. Vol. 45. № 3. P. 671–693.

Чтобы отвлечь международное внимание от Катыни и вновь привлечь его к преступлениям стран Оси, советские власти провели свой первый публичный суд над нацистскими коллаборационистами, используя улики, собранные Чрезвычайной государственной комиссией. В июле 1943 года в Краснодаре одиннадцать мужчин, русских и украинцев, предстали перед военным трибуналом по обвинению в измене во время немецкой оккупации Северного Кавказа. Почти все подсудимые служили в особом отделе мобильного эскадрона смерти айнзацгруппа D, убившего более 7 тысяч советских граждан, в основном евреев. Эксперты и свидетели представили общие доказательства нацистских зверств в этом регионе. Судья и обвинитель заставили подсудимых рассказать о подробностях их преступлений перед сотнями зрителей, включая представителей иностранной прессы. Все подсудимые были признаны виновными. Трое получили тюремные сроки, а восемь были повешены перед толпой из 30 тысяч зрителей. Операторы засняли это зрелище, и хронику показали во всех кинотеатрах СССР. Сталин назвал этот процесс триумфом⁸¹.

Во время Краснодарского процесса советские руководители отточили свой нарратив о войне и немецкой оккупации. Жертвы описывались во время процесса и в прессе как «мирные советские граждане», упор при этом делался на общие страдания всего советского народа. Это не значило, что советские руководители старались скрыть собранные Чрезвычайной государственной комиссией обильные свидетельства о целенаправленных убийствах евреев. После процесса член комиссии Алексей Толстой опубликовал статью в газете «Красная звезда», где описал меры нацистов по уничтожению еврейских общин на Северном Кавказе: он рассказал, что евреев заставляли носить желтую звезду Давида, не пускали в общественные места, загоняли в поезда и отвозили к местам убийства, где травили газом в специальных фургонах или расстреливали. Советские руководители хотели при помощи этого процесса укрепить единство советского народа, и участь евреев не была для них центральным моментом в этом нарративе. Но все же о ней писали в советской прессе⁸².

После Краснодарского процесса советское руководство вновь задумалось об участии в союзнической комиссии по военным преступлениям. Ее организация застопорилась, но не прекратилась. В конце июля 1943 года советские руководители согласились, чтобы штаб-квартирой комиссии стал Лондон, а Британия, США, СССР и Китай имели равный статус в ее руководстве. Они дали добро на создание филиалов в Вашингтоне и Чунцине, но настояли на том, что московский филиал не нужен, потому что Чрезвычайная государственная комиссия уже расследует зверства нацистов в СССР и готова делиться своими материалами. Однако состав комиссии оставался ключевым пунктом разногласий, препятствующим участию СССР. Советские руководители согласились на включение британских доминионов и Индии, но с условием, чтобы в комиссию вошли также Украина, Белоруссия, Молдавия, Литва, Латвия, Эстония и Карело-Финская СС⁸³Р. Британцы отвергли это советское предложение на том основании, что оно создаст «непреодолимые трудности»⁸⁴. Красная армия вступила в Латвию, Литву и Эстонию после подписания германо-советского Пакта о ненападении; британское и американское

⁸¹ Sorokina M. People and Procedures. P. 826–830; Bourman I. «Blood for Blood, Death for Death»: The Soviet Military Tribunal in Krasnodar, 1943 // Holocaust and Genocide Studies. 2008. Vol. 22. № 2. P. 246–265; Penner T. Local Collaborators on Trial: Soviet War Crimes Trials under Stalin (1943–1953) // Cahiers du monde russe. 2008. Vol. 9. № 2–3. P. 341–364; Kudryashov S., Voisin V. The Early Stages of «Legal Purges» in Soviet Russia (1941–1945) // Cahiers du monde russe. 2008. Vol. 49. № 2–3. P. 263–296; Prusin A. V. «Fascist Criminals to the Gallows!»: The Holocaust and Soviet War Crimes Trials, December 1945 – February 1946 // Holocaust and Genocide Studies. 2003. Vol. 17. № 1. P. 1–30. Количество жертв (7000 человек) приводится в статье Пеннер.

⁸² Hicks J. «Soul Destroyers»: Soviet Reporting of Nazi Genocide and Its Perpetrators at the Krasnodar and Khar'kov Trials // History. 2013. Vol. 98. № 4. P. 530–547; Shneer D. Through Soviet Jewish Eyes. P. 142.

⁸³ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 17. Д. 166. Л. 14–15.

⁸⁴ Там же. Оп. 7. П. 20. Д. 208. Л. 1–3 (электронная публикация этого документа: <http://nurnberg.rusarchives.ru/documents/spravka-nkid-sssr-o-londonskoy-komissii-po-rassledovaniyu-voennyh-prestupleniy> (дата обращения 10 января 2023 года). – *Примеч. пер.*

правительства отказались признать советскую аннексию этих стран⁸⁵. Кроме того, британцы доказывали, что международно-правовой статус доминионов и Индии не имеет ничего общего со статусом даже признанных советских республик, зависимых от Москвы во «всех их сношениях с внешним миром»⁸⁶. СССР продолжал идти своим отдельным путем.

* * *

Итак, Комиссия Объединенных Наций по военным преступлениям (КОНВП) собралась в Лондоне 26 октября 1943 года без участия СССР. Отсутствие единственной из союзных держав выглядело заметным. Председатель комиссии сэр Сесил Хёрст, британский судья, связанный с МИД, с самого начала пытался ограничить роль КОНВП. Он навязывал узкое определение «военного преступления» как «преступного деяния, нарушающего законы и обычаи войны», установленные Женевской и Гаагской конвенциями до Первой мировой войны⁸⁷. Но делегаты из оккупированной Европы прибыли с куда более амбициозными планами. Чехословацкий юрист Богуслав Эчер, чью страну разорили нацисты, настаивал, что ввиду «методов тотальной войны», заведомо предполагающих убийства мирных жителей, прежние идеи о военных преступлениях устарели. Любая дефиниция военных преступлений должна включать такие действия, как массовые депортации и разрушения деревень. Бельгийский делегат Марсель де Бэр (председатель военного суда Бельгии) соглашался с Эчером и настаивал, чтобы КОНВП направила усилия на привлечение к ответственности преступников, которые могли бы уйти от наказания благодаря пробелам в существующем международном законодательстве, – в частности, виновных в гонениях на евреев Германии. Юристы также разделились во взглядах на то, как связаны военные преступления и что считать «преступлением войны». Эчер и де Бэр доказывали, что «подготовка и развязывание агрессивной войны» само по себе наказуемое преступление, а Хёрст настаивал, что такой взгляд не имеет под собой никакой правовой основы⁸⁸.

Споры о дефинициях продолжались четыре недели и не давали возможности собравшимся взяться наконец за расследование зверств. К декабрю уставшие от словопрений члены комиссии согласились принять хёрстовское узкое определение военных преступлений как отправную точку. Но даже после этого юристы не представляли в точности, какая задача перед ними стоит. Хёрст утверждал, что единственной задачей комиссии является сбор информации. Эчер считал, что она должна содействовать организации межсоюзнических трибуналов для суда, рассматривающего международные преступления, которые он определял как преступления, «совершенные на территории нескольких союзных государств» или направленные «против самых основ международного сообщества»⁸⁹.

Советские юристы в России рассматривали в основном те же вопросы, что и КОНВП, – но гораздо легче приходили к консенсусу. Трайнин, недавно вернувшийся из эвакуации в Москву вместе с Институтом права, играл центральную роль в этой работе. В течение лета он закончил отчет для Вышинского, дал проверить своим коллегам и отослал в Наркоминдел⁹⁰. К началу осени некоторые из ключевых идей Трайнина были опубликованы за границей. По поводу репа-

⁸⁵ Эти республики были аннексированы в 1940 году.

⁸⁶ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 17. Д. 166. Л. 34–35, 39–44.

⁸⁷ Это были Женевская конвенция 1864 года и Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов.

⁸⁸ National Archives and Records Administration – College Park (NARA). Record Group (RG) 238. Entry 52. B. 7, United Nations Commission for the Investigation of War Crimes, Notes of Unofficial Preliminary Meeting, October 26, 1943; LOC-RHJ. B. 118. F. 8. Dr. B. Ečer, Contribution to the History of the UNWCC, January 19, 1948. О Херсте см. также: *Lewis M. The Birth of the New Justice: The Internationalization of Crime and Punishment, 1919–1950*. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 161–162.

⁸⁹ LOC-RHJ. B. 118. F. 8. Dr. B. Ečer, Contribution to the History of the UNWCC.

⁹⁰ АРАН. Ф. 499. Оп. 1. Д. 32. Л. 20, 27–50. Отчет обсуждался на совещании 23 сентября 1943 года. В сентябре Вышинский присутствовал на некоторых совещаниях в Институте права. См. также: АРАН. Ф. 499. Оп. 1. Д. 39. Л. 11, 20; Д. 50. Л. 2–8.

раций Трайнин утверждал, что Германия, вне всякого сомнения, «материально ответственна» за все свои военные преступления – в том числе планирование и развязывание продолжавшейся ныне войны. Он также полагал, что и этого недостаточно: лица, которые совершали или сговаривались о совершении преступных действий от имени государства, должны быть судимы и наказаны⁹¹.

Неудачная попытка привлечь к ответственности лидеров Германии после Первой мировой войны не давала покоя англичанам и американцам. Уже одного этого хватало, чтобы держаться как можно дальше от идеи международного трибунала. Трайнин возражал: Версаль дал наглядный урок, почему трибунал необходим. Версальский договор призывал к наказанию кайзера Вильгельма II и его соратников за систематическое нарушение законов и обычаев войны. Это не было исполнено, и, по мнению Трайнина, безнаказанность Вильгельма воодушевила Гитлера. Пока КОНВП препиралась о дефиниции «военных преступлений», Трайнин доказывал, что «гитлеровцы» всех рангов несут уголовную ответственность. Он отверг оправдание на основе «исполнения приказов вышестоящих», что до сих пор было стандартным аргументом защиты в международном праве, и заявил, что рядовые солдаты, которые «грабят и убивают по приказам командования», столь же виновны, как те, кто «грабит и убивает по собственной инициативе». Но уголовную ответственность высшей степени должны были понести руководители Германии. Трайнин уделял особое внимание Гитлеру и его министрам, руководству нацистской партии, нацистским властям на оккупированных территориях, высшему командованию вермахта и финансовым и промышленным магнатам Германии, отмечая «вопиющие нарушения» ими «принципов международных отношений и человеческой морали»⁹².

Все взгляды обратились к Москве в октябре 1943 года, когда Молотов принял Идена и государственного секретаря США Корделла Халла для обсуждения хода войны и планов на послевоенный период. Одним из результатов встречи было подписание Московской декларации, где США, СССР, Британия и Китай заявили о намерении добиваться безоговорочной капитуляции стран Оси и призвали к созданию международной организации для обеспечения мира и безопасности. Декларация включала раздел «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства», в котором Рузвельт, Черчилль и Сталин осуждали немецкие «зверства, убийства и хладнокровные массовые казни» на оккупированных территориях и обещали наказать всех виновных. В этом документе, помимо прочих зверств, упоминалось и убийство польских офицеров, то есть на немцев неявно возлагалась ответственность за Катынь⁹³. Сталин безошибочно сделал ставку на то, что Рузвельт и Черчилль не станут возражать.

Согласно Декларации об ответственности гитлеровцев, германские офицеры, солдаты и члены нацистской партии, планировавшие или совершавшие эти убийства, подлежали высылке в страны, где совершались их преступления, и должны были предстать перед национальными судами. Военные преступники, чьи действия затрагивали несколько географических областей, подлежали наказанию согласно коллективному решению правительств стран-союзников. Вопрос о том, будет ли это решение осуществлено по суду или иными средствами, оставался открытым⁹⁴.

Тегеранская конференция, проходившая в конце ноября и начале декабря, не внесла ясности в этот вопрос. Рузвельт, Черчилль и Сталин, впервые встретившись лицом к лицу, скоординировали свои военные стратегические планы и договорились о послевоенном сотруд-

⁹¹ Farrin A. [Trainin] The Responsibility for Nazi Crimes // Central European Observer. 1943. September 17. P. 281–282; *Idem*. The Responsibility for Nazi Crimes // Information Bulletin (Embassy of the USSR). 1943. October 2. P. 5–7; Трайнин. Об уголовной ответственности гитлеровцев. См. также: Sellars K. «Crimes against Peace» and International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

⁹² Farrin [Trainin]. The Responsibility for Nazi Crimes; Трайнин. Об уголовной ответственности гитлеровцев.

⁹³ АВПРФ. Ф. 36. Оп. 1. П. 19. Д. 227. Л. 1–2, 6–8.

⁹⁴ АВПРФ. Ф. 36. Оп. 1. П. 19. Д. 227. Л. 1–2, 6–8.

ничестве. Британцы и американцы снова пообещали открыть второй фронт, а Сталин согласился вступить в войну с Японией после победы над нацистами. В дискуссии о послевоенной Европе Сталин добился согласия на свои требования пересмотра границ Польши (по так называемой линии Керзона) и поделился своими идеями относительно плана наказания Германии с целью ее перманентного ослабления⁹⁵. Когда участники конференции ужинали в советском посольстве, Сталин предупредил, что, если не предпринять подобные меры, Германия «через пятнадцать – двадцать лет снова поднимется и ввергнет мир в новую войну». Он порекомендовал, в частности, казнить 50–100 тысяч немецких офицеров. Американцы и британцы не понимали, шутит ли он⁹⁶. Но он не шутил: во время Большого террора Сталин втихую провел чистку своего собственного военного командования. Около 35 тысяч офицеров были уволены, около 10 тысяч арестованы, многие из них расстреляны⁹⁷.

После Тегеранской конференции советские руководители решили показать миру, что они настроены безотлагательно судить и наказывать военных преступников. 3 декабря, через два дня после окончания конференции, в СССР близ украинского города Кременчуга впервые по приговору военно-полевого трибунала публично повесили немецкого солдата за военные преступления. Через две недели в Харькове, вновь освобожденном Красной армией, перед военным трибуналом предстали три офицера гестапо и украинский коллаборационист, обвиняемые в массовых убийствах мирных жителей. Харьковский процесс был первым в странах-союзниках публичным судом над гражданами Германии, обвиняемыми в военных преступлениях. Он длился четыре дня при большом скоплении сменяющейся публики, включая иностранных корреспондентов. Основную массу доказательств представила Чрезвычайная государственная комиссия. Жертвами были больше 14 тысяч человек, в подавляющем большинстве евреи; их называли «мирными советскими гражданами» (как и в ходе Краснодарского процесса), хотя Эренбург в «Красной звезде» привлек внимание к истреблению харьковских евреев⁹⁸.

Главной целью Харьковского процесса было утвердить несостоятельность защиты на основе «исполнения приказов вышестоящих», которую Трайнин по-прежнему критиковал в своих статьях как «спасительный дзот» для военных преступников «в суровый час возмездия»⁹⁹. Когда обвиняемые попытались выставить этот аргумент в свою защиту, трибунал не принял его. Все четверо были признаны виновными и публично повешены: наглядный пример советского правосудия. Как и рассчитывал Сталин, эти казни широко освещались в иностранной прессе. Журнал «Лайф» посвятил им фоторепортаж на две страницы с жуткими фотографиями осужденных, висящих в петлях¹⁰⁰. Советские кинематографисты сняли об этом процессе полнометражный документальный фильм «Суд идет!». Он вышел на английском языке под названием «Харьковские процессы» и шокировал нью-йоркских и лондонских зрителей ярким изображением нацистских зверств – включая убийство женщин и детей в газовых фургонах. Лондонская «Таймс» в редакционной статье назвала фильм «мрачным и беспощадным»:

⁹⁵ Allen D. J. *The Oder-Neisse Line: The United States, Poland, and Germany in the Cold War*. Westport: Praeger, 2003.

⁹⁶ The Tehran Conference, Proceedings of the Conference, Monday, November 29, 1943, Tripartite dinner meeting, 8:30 (Document 368), Bohlen Minutes // FRUS. 1943, Diplomatic Papers, The Conferences at Cairo and Tehran. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1943CairoTehran/d368> (дата обращения 10 января 2023 года); Manchester W., Reid P. *The Last Lion: Winston Spencer Churchill, Defender of the Realm, 1940–1965*. New York: Bantam, 2012. P. 765–766.

⁹⁷ Whitewood P. *The Red Army and the Great Terror: Stalin's Purge of the Soviet Military*. Lawrence: University Press of Kansas, 2015. P. 264. Эта чистка проходила с июня 1937 по ноябрь 1938 года.

⁹⁸ Ginsburgs G. *Moscow's Road to Nuremberg*. P. 52–57; Dawson G. *Judgment before Nuremberg: The Holocaust in the Ukraine and the First Nazi War Crimes Trial*. New York: Pegasus, 2012; Hicks J. «Soul Destroyers». P. 543–544. Эренбург в своей статье упоминал также убийства русских, украинцев и других граждан.

⁹⁹ Трайнин А. Об уголовной ответственности гитлеровских преступников // Война и рабочий класс. 1944. № 1. С. 19–21 (цит. – с. 20).

¹⁰⁰ Kharkov Trial: First Pictures from Russian Movie Show Legal Trial and Death of Nazi War Criminals // Life. 1944. July 10. Vol. 17. № 2. P. 94, 97; Dawson G. *Judgment Before Nuremberg*. P. 343–344.

рассказ о немецкой оккупации в фильме «столь ужасен, что нервы почти не реагируют на него»¹⁰¹.

* * *

Советское правительство оказывало влияние на общий для союзников подход к немецким военным преступлениям, а само тем временем продолжало заниматься масштабной маскировкой катынского расстрела. С октября 1943 года (когда Красная армия освободила район Катыни) по январь 1944 года агенты НКВД и Наркомата государственной безопасности (НКГБ) вскрывали захоронения в Катынском лесу и разбрасывали среди трупов фальшивые улики для последующих эксгумаций; они также угрозами и принуждением добывали ложные свидетельские показания. 10 января НКВД и НКГБ представили совместный отчет, где заключили, что убийства были совершены осенью 1941 года неизвестным немецким военным формированием, занимавшим этот район¹⁰².

В том же месяце советские руководители создали специальную комиссию для «расследования» катынских убийств во главе с членом Чрезвычайной государственной комиссии Николаем Бурденко. В так называемую «комиссию Бурденко» входили Алексей Толстой и митрополит Киевский и Галицкий Николай, а также судмедэксперты и другие известные люди. Она тесно сотрудничала с Вышинским, которому была поручена операция по маскировке. В заседаниях комиссии участвовал заместитель наркома внутренних дел Сергей Круглов, один из авторов отчета НКВД и НКГБ. Круглов ни в коей мере не был незаинтересованной стороной. Он входил в «тройку», ответственную за исполнение плана НКВД по уничтожению поляков в 1940 году. Неудивительно, что отчет комиссии, опубликованный 24 января, подтверждал советскую версию о том, что убийства совершили немцы¹⁰³.

Через три дня, 27 января, Красная армия сняла блокаду Ленинграда, длившуюся почти девятьсот дней. Чрезвычайная государственная комиссия немедленно начала опрашивать выживших. Причастность советской стороны к Катынскому делу, кажется, удалось скрыть, но вал свидетельств о преступлениях нацистов нарастал, и советские руководители вновь задумались, участвовать ли в КОНВП. Они зашли так далеко, что внесли поправку в советскую конституцию, наделив союзные республики правом вступать в отношения с иностранными государствами, и тем самым дали им равный статус с британскими доминионами. Но британцы по-прежнему отказывались допустить республики к участию в комиссии, и переговоры снова зашли в тупик¹⁰⁴.

Тем временем КОНВП стала площадкой для жарких дискуссий о правосудии. Когда Сесил Хёрст предложил, чтобы КОНВП занималась исключительно преступлениями против граждан стран-союзников, Богуслав Эчер заявил решительный протест: он воскликнул, что «моральное сознание общества будет потрясено», если союзники сочтут неподсудными убийства немецких евреев. Делегат от США Герберт Пелл, глубоко озабоченный известиями из Европы (и представлявший себе задачи КОНВП гораздо шире, чем представлял их Госдепарта-

¹⁰¹ The Kharkov Trial: A Grim Newsreel Record // Times. 1944. July 7. P. 6. Харьковский процесс изучали и Эчер, и УСС: Echer B. The Lessons of the Kharkov Trial. London: Russia Today Society, 1944; LOC-RHJ. B. 111. F. 10. Office of Strategic Services Research and Analysis Branch. № 1988.1. Soviet Intentions to Punish War Criminals, April 30, 1945. P. 38–41. См. также: Hicks J. First Films of the Holocaust: Soviet Cinema and the Genocide of the Jews, 1938–1946. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2012. P. 196. Русское название иногда переводят как «Justice is Coming!» («Суд идет!»).

¹⁰² Wasilewski W. The Birth and Persistence of the Katyn Lie. P. 677–682.

¹⁰³ Там же. См. также: The Burdenko Commission Report, January 24, 1944, Moscow // Katyn. A Crime without Punishment. P. 319–326 (см. публикацию оригинала на рус.: Сообщение Специальной Комиссии // Правда. 1944. 26 января. – Примеч. пер.). Полностью она называлась Специальной Комиссией по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров.

¹⁰⁴ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 17. Д. 166. Л. 83–84. Эта поправка была принята 2 февраля 1944 года.

мент), согласился с Эчером. Он предложил считать преступления против лиц без гражданства, а также обусловленные религией или расой жертв, военными преступлениями. Пелл утверждал, что борьба с нацизмом требует наказания «преступлений против человечности» – намеренно используя термин, впервые обнародованный во франко-русско-британской декларации 1915 года с осуждением османских убийств армян. Затем Эчер предложил КОНВП расширить понятие военного преступления, включив в него нарушения «базовых прав человека». Когда возник вопрос, считать ли преступлением членство в СС и гестапо, французский представитель Рене Кассен (юрисконсульт Французского национального комитета) отметил, что понятие преступной организации хорошо знакомо уголовным кодексам Франции и Бельгии¹⁰⁵. Советских представителей все еще не было в КОНВП, но идеям Трайнина об уголовной ответственности нацистских вождей и их организаций вскоре предстояло звучать в ее прениях.

* * *

В конце весны 1944 года СССР освободил большую часть юга России и Украины, а вермахт отступал по всем фронтам. Тем летом Красная армия предприняла самое масштабное в ходе войны наступление, в ходе которого освободила Белоруссию и вступила в Польшу. После этих побед советская сторона заострила и обнародовала свою аргументацию в пользу международного трибунала над нацистскими вождями. Неудивительно, что главную роль в этом играли Трайнин и Вышинский. В июле 1944 года в Москве вышла книга Трайнина «Уголовная ответственность гитлеровцев»; Вышинский снова выступил ее редактором и написал предисловие.

Трайнин утверждал, что размах военных действий столь грандиозен, а «методы гитлеровцев» столь беспрецедентны, что было бы немисливо оставить преступников безнаказанными. Свидетельства, собранные Чрезвычайной государственной комиссией и представленные на Краснодарском и Харьковском процессах, открыли, по его словам, «ужасающую картину» организованного массового убийства мирных жителей. По мнению Трайнина, за эти преступления на германское государство следует наложить политические и экономические санкции, а уголовная ответственность должна устанавливаться в индивидуальном порядке.

Трайнин настаивал, что нацистских вождей нужно судить не только за преступления, совершенные в ходе войны, но в первую очередь за развязывание войны как таковой – «преступление против мира». Идея трактовки агрессивной войны как наказуемого уголовного деяния (которую давно отстаивал Трайнин) как раз тогда обсуждалась в КОНВП. Но теперь Трайнин сформулировал термин «преступления против мира» и дал ему дефиницию: акты агрессии; пропаганда агрессии; заключение международных договоров с агрессивными целями; нарушение мирных договоров; провокации с целью разжигания конфликтов между странами; терроризм; поддержка «пятых колонн». Трайнин призывал создать международный трибунал для суда над гитлеровцами и предлагал включить «преступления против мира» в новую конвенцию по международному праву¹⁰⁶.

В этой книге Трайнин также развил свою прежнюю аргументацию в пользу того, что нацистские вожди и их организации должны быть судимы за участие в преступном заговоре. Он посвятил одну главу понятию «соучастия» (опираясь на свою книгу 1940 года на эту тему), определив его как совместное участие лиц в преступлении, при котором каждый участник связан с исходом преступления. По его словам, соучастие нередко предполагает участие в заговоре

¹⁰⁵ LOC-RHJ. B. 118. F. 8. Dr. D. Ečer, Contribution to the History of the UNWCC. P. 7–8, 26–32; Blayney M. S. Herbert Pell, War Crimes, and the Jews // American Historical Jewish Quarterly. 1976. Vol. 65. № 4. P. 335–352; Lingen K. von. Defining Crimes against Humanity: The Contribution of the United Nations War Crimes Commission to International Criminal Law, 1944–1947 // The Historical Origins of International Criminal Law / Eds M. Bergsmo, W. L. Cheah., P. Yi. Oslo: TOAEP, 2014. Vol. 1. P. 475–505.

¹⁰⁶ Трайнин А. Н. Уголовная ответственность гитлеровцев / Под ред. А. Я. Вышинского. М.: Юридическое издательство, 1944. С. 12–13, 35–41, 45–70, 99–106.

или преступной организации и, даже если члены группы не знают друг друга, они все равно «ответственны за все преступления», совершаемые группой. Трайнин как бы между делом отметил, что позаимствовал дефиницию соучастия у Вышинского, который сформулировал ее на Московских процессах. Он утверждал, что понятие соучастия, прочно укоренившееся в советском праве, еще важнее для международного права, потому что нарушитель международного права редко действует в одиночку. Трайнин также дополнил свою прежнюю критику защиты на основании «приказов вышестоящих»: он объяснил, что приказ совершить преступление – «это не воинский приказ, это подстрекательство к злодеяниям, за которые и подстрекатели, и исполнители могут и должны нести полную ответственность»¹⁰⁷.

Эти концепции уголовной ответственности, соучастия и преступлений против мира вскоре распространились по Европейскому континенту, а затем дошли до Лондона и Вашингтона. В сентябре и начале октября 1944 года, когда британские и американские войска наступали через Францию в направлении Германии, статьи Трайнина публиковались в «Совет уор ньюз», «Нью мэссез» и других американских и британских левых изданиях¹⁰⁸. Реальный прорыв произошел в октябре, когда идеи Трайнина стали обсуждать в КОНВП в Лондоне. Посредником выступил Эчер, который владел русским языком.

6 октября Эчер вновь умолял своих коллег определить подготовку и развязывание текущей войны как преступление, за которое руководители стран Оси подлежат наказанию. Он процитировал французского юриста Кассена, который назвал текущую войну «тотальной войной», проявившей себя в «тотальной преступности». Затем он сослался на довод Трайнина (почерпнутый из публикации в «Совет уор ньюз»), что наибольшая вина лежит на Гитлере и других немецких вождях. Они не вели войну: они подготовили, организовали и совершили преступление. Советские аргументы о преступности нацистов начали входить в оборот¹⁰⁹. 10 октября председатель КОНВП Хёрст сообщил о получении трех экземпляров книги Трайнина, присланных на рассмотрение комиссии ее бывшим членом из Люксембурга. Один экземпляр был выдан Эчеру, который попросил взять ее почитать, а потом выступил в комиссии с разбором¹¹⁰.

В течение октября ведущие деятели КОНВП по-прежнему возражали против того, чтобы возлагать на политических лидеров ответственность за развязывание войны. Они считали, что для этого просто нет правовой базы: пакт Бриана – Келлога 1928 года осуждал войну, но его формулировки по вопросу индивидуальной ответственности были расплывчаты. Югославский делегат Радомир Живкович критиковал своих коллег за излишнюю осторожность. По его словам, ничто в международном законодательстве не мешает правительствам союзников объявить агрессивную войну наказуемым преступлением. Делегатам нужно было решить, желательно ли это с политической точки зрения. Эчер полагал, что если в международном праве есть, как он выразился, «пробелы», то комиссия должна их «заполнить». Он вновь ссылаясь на то, что советские эксперты по международному и уголовному праву «решительно поддерживают то мнение, что подготовка и развязывание этой войны – военные преступления, влекущие уголовную ответственность». Используя теперь терминологию Трайнина, Эчер заявлял: «Подготовка и развязывание ныне идущей войны должны быть наказаны как преступление против мира»¹¹¹.

Трайнинский термин «преступления против мира», оказавший глубокое влияние на послевоенную юстицию и на само восприятие войны, таким образом, вошел в лексикон меж-

¹⁰⁷ Трайнин. Уголовная ответственность гитлеровцев. С. 78–91 (цит. – с. 91, выделение в оригинале. – Примеч. пер.).

¹⁰⁸ Trainin A. N. Judging the War Criminals // New Masses. 1944. September 12. P. 3–6; Judging the War Criminals II // New Masses. 1944. September 19. P. 10–12; Certain Lessons of Versailles // Information Bulletin (Embassy of the USSR). 1944. September 26. P. 1–2.

¹⁰⁹ NARA. RG 238. Entry 52. B. 7. UNWCC, Supplement to the Minority Report Presented by Dr. B. Ecer, October 6, 1944.

¹¹⁰ Ibid. UNWCC, Minutes of the 35th Meeting, October 10, 1944.

¹¹¹ Ibid.; NARA. RG 238. Entry 52. B. 7. UNWCC, Minutes of the 36th Meeting, October 17, 1944.

дународного права. 31 октября Эчер представил в КОНВП подробную рецензию на книгу Трайнина. Этот документ ходил по рукам делегатов, и многие посылали его своим правительствам¹¹². 11 ноября рецензия Эчера была отослана в Госдепартамент США¹¹³. Вскоре после того Госдепартамент получил книгу Трайнина в английском переводе и отослал вместе с рецензией Эчера в Белый дом¹¹⁴.

4 января 1945 года два юриста из Отдела особых проектов Военного министерства США – подполковник Мюррей Бернайс (российский еврей-эмигрант, женатый на племяннице Зигмунда Фрейда) и его коллега Д. У. Браун – послали Рузвельту секретный доклад по вопросу о том, было ли развязывание Второй мировой войны преступлением, за которое можно судить и наказать руководителей стран Оси. Они пришли к положительному ответу. Они признавали, что это мнение полностью противоречит политике США, но события в Европе требуют, чтобы международное право менялось «соответственно росту и развитию общественной морали». Согласно Бернайсу и Брауну и безотносительно прежних точек зрения, «невозможно спорить, что в наше время подавляющее большинство людей считает развязывание агрессивной войны преступлением»¹¹⁵.

Ранее Бернайс не слишком охотно выступал за суд над нацистскими военными преступниками, опасаясь ответных санкций против американских военнопленных. Ему и другим служащим Военного министерства пришлось всерьез заняться этим предметом в основном в ответ на проект министра финансов США Генри Моргентау – младшего (известный как «план Моргентау»), который в августе 1944 года предложил расчленить после войны нацистскую Германию, использовать немецких военнопленных для восстановления Европы, а главных нацистских вождей после захвата в плен расстрелять без суда¹¹⁶.

Через две недели, в начале сентября, Бернайс написал меморандум, настаивая, что расстрел нацистских вождей по совету Моргентау будет насмешкой над идеалами, для защиты которых союзники вступили в войну. Взамен он предложил как раз то, к чему давно призывал СССР: международный процесс над нацистскими вождями, основанный на концепции «преступного заговора». Бернайс рекомендовал созвать трибунал для суда над нацистскими вождями и их организациями, включая гестапо и СС, по обвинению в заговоре с целью осуществления террора и убийств мирных жителей в нарушение законов войны. Этот проект стал известен в Военном министерстве и Госдепартаменте как «план Бернайса». Бернайс не упоминал Трайнина и Эчера в своем сентябрьском меморандуме¹¹⁷. Но к ноябрю или декабрю он внимательно изучил их аргументы – и в январе 1945 года пространно цитировал трайнинский труд в своем и Брауна докладе Рузвельту о преступности текущей войны¹¹⁸. Для этого доклада

¹¹² NARA. RG 238. Entry 52. B. 7. UNWCC, Report Made by Dr. Echer on Professor Trainin's Book «The Criminal Responsibility of the Hitlerites» at the Commission's Meeting of October 31, 1944 (November 11, 1944). Копия этого отчета имеется также в Университете Вайоминга (University of Wyoming, American Heritage Center. Murray Bernays Collection (3817). B. 4. F. 1).

¹¹³ Harry S. Truman Presidential Library and Museum (HSTPLM). Samuel I. Rosenman Papers, War Crimes File, Memorandum from the United Nations War Crimes Commission, «Report Made by Dr. Echer on Professor Trainin's Book», November 11, 1944.

¹¹⁴ Английский перевод вышел в СССР в 1944 году: Trainin A. N. The Criminal Responsibility of the Hitlerites. Moscow: Legal Publishing House NKU, 1944. Эту книгу перевели также на французский, арабский и другие языки.

¹¹⁵ HSTPLM. Rosenman Papers, War Crimes File, Memorandum from Murray C. Bernays and D. W. Brown, January 4, 1945. Копия имеется также в: Murray Bernays Collection (3817). B. 4. F. 5.

¹¹⁶ Sellars K. «Crimes against Peace» and International Law. P. 65–66; Bass G. J. Stay the Hand of Vengeance: The Politics of War Crimes Tribunals. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 157–169.

¹¹⁷ Sellars K. «Crimes against Peace» and International Law. P. 67–70; Bass. Stay the Hand of Vengeance. P. 170; Subject: Trial of European War Criminals (By Colonel Murray C. Bernays, G-1), September 15, 1944 // B. F. American Road to Nuremberg: The Documentary Record. 1944–1945 / Ed. B. F. Smith. Stanford: Hoover Institution Press, 1982. P. 33–37.

¹¹⁸ В архиве Бернайса есть сокращенная версия трайнинской «Уголовной ответственности гитлеровцев» и рецензия Эчера на нее. Murray Bernays Collection (3817). B. 4. F. 1. Memorandum for General Berry from M. C. B., December 18, 1944; Memorandum for the Judge Advocate General, [after November 24,] 1944; Summary of «The Criminal Responsibility of the Hitlerites» by Professor A. N. Trainin, n. d.; Report Made by Dr. Echer on Professor Trainin's Book, November 11, 1944.

Бернайс и Браун провели обширные исследования. Они ссылались на прежние международные договоры, включая пакт Бриана – Келлога. Они также отмечали, что на идею преступной или нелегитимной войны ссылаются польско-британский профессор-правовед Герш Лаутерпахт и военный министр США Генри Л. Стимсон. Наконец, они упомянули «советскую точку зрения», состоявшую, по их словам, в том, «что современное международное право считает развязывание агрессивной войны преступлением».

Бернайс и Браун уделили особое внимание трайнинской концепции преступлений против мира. Ввиду этих прецедентов они заключали, что правительства союзников могли бы издать официальную декларацию, объявляющую агрессивную войну преступлением; она опиралась бы «на солидный фундамент» и обрела бы силу «юридически безупречного международного закона»¹¹⁹.

Идеи Трайнина привлекали внимание и оказывали влияние на дискуссии, шедшие на Западе, а сам он публично критиковал КОНВП за «торможение правосудия»¹²⁰. Среди советских юристов не он один считал, что КОНВП не осознает всего масштаба проблемы. В январе два юриста из Наркомата иностранных дел Сергей Голунский и Семен Базаров в докладе Молотову отметили, что внимание КОНВП полностью обращено к вопросам правовой теории¹²¹. Тем временем Наркоминдел в ожидании конца войны строил планы перевода и распространения за рубежом отчетов Чрезвычайной государственной комиссии, в которых систематизировалась информация о зверствах нацистов на территории СССР. 5 января 1945 года заместитель наркома иностранных дел Лозовский рекомендовал Молотову опубликовать с фотографиями десять – пятнадцать томов этих отчетов. Лозовский подчеркивал, что эти материалы крайне важно опубликовать до капитуляции Германии, потому что они позволят советскому правительству усилить требования репараций¹²².

* * *

К середине января 1945 года подход правительства США к послевоенной юстиции стал более активным и инициативным. 22 января в преддверии Ялтинской конференции военный министр Генри Стимсон, новый госсекретарь Эдвард Стеттиниус – младший и генеральный прокурор Фрэнсис Биддл представили Рузвельту свои рекомендации по обращению с военными преступниками стран Оси. Они указали на преступность действия нацистских вождей, установивших «режим систематического и спланированного террора» в Германии и по всей Европе, и заявили о виновности нацистских организаций, таких как СС и гестапо. Раскритиковав бесплодность работы КОНВП, авторы рекомендаций признали, что задача перед ними стоит нелегкая. Преступления нацистов столь огромны и многочисленны, что выявление и привлечение к суду преступников представляет собой проблему, беспрецедентную в истории международного уголовного права. Кроме того, зверства, совершенные внутри Германии до начала войны, не являются военными преступлениями в традиционном смысле. Тем не менее правительства стран-союзников пообещали наказать виновных и за эти преступления – «это должно быть сделано в интересах послевоенной безопасности и необходимой реабилитации немецкого народа, а также ради правосудия»¹²³.

¹¹⁹ HSTPLM. Rosenman Papers, War Crimes File, Memorandum from Murray C. Bernays and D. W. Brown.

¹²⁰ Trainin A. The Strategy of «Mercy» // Communist. 1944. December. P. 1073–1077.

¹²¹ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 20. Д. 208. Л. 1–3.

¹²² Там же. П. 206. Д. 8. Л. 1–3.

¹²³ LOC-RHJ. B. 95. F. 5. Memorandum for the President: Trial and Punishment of Nazi War Criminals, January 22, 1945. Копия имеется в: Murray Bernays Collection (3817). B. 4. F. 1.

Стимсон, Стеттиниус и Биддл выступили против идеи наказания нацистских вождей внесудебным декретом. Они указали, что приказ о казни Гитлера и других нацистов высшего ранга достигнет цели, но нарушит «самые фундаментальные принципы правосудия» и вызовет в немецком народе поклонение им как мученикам. Напротив, судебный процесс получит поддержку общественного мнения и «уважение в истории». Авторы рекомендаций предлагали предъявить немецким лидерам и их организациям обвинение в тяжких военных преступлениях и соучастии в преступном заговоре. Последний пункт обвинения охватит зверства, совершенные до войны, в том числе преступления против евреев, а также планирование и развязывание «нелегитимной агрессивной войны». Они также рекомендовали провести двухэтапную юридическую процедуру. Вначале страны-союзники должны будут созвать международный трибунал для суда над некоторыми из высших немецких лидеров – руководителями организаций, обвиняемых в соучастии в преступном заговоре. Затем союзники должны будут выявить других участников заговора; тех либо вышлют для суда в места их преступлений, либо будут судить оккупационные власти союзнических держав¹²⁴.

Проект Стимсона – Стеттиниуса – Биддла много позаимствовал из плана Бернайса, но также отражал идеи Трайнина об уголовной ответственности и французские идеи о преступных организациях. Он во многом основывался на идее, выдвинутой Трайниным, Эчером и другими: война с целью завоевания и эксплуатации – все чаще называемая «агрессивной войной» – есть международное преступление. Авторы объясняли, что СССР, по-видимому, готов сотрудничать и уже высказывался за создание международного трибунала. При этом они отмечали, что британцы по-прежнему против суда над высшими нацистскими вождями – и непонятно, можно ли их переубедить¹²⁵.

К 4 февраля 1945 года, когда Сталин, Молотов и Вышинский приветствовали Черчилля и Рузвельта в курортном городке Ялте, вопросы будущей организации послевоенного мира вышли на первый план. Прошло уже много времени после начала блокады Ленинграда, когда идеи наказания нацистов носили еще чисто теоретический характер. Красная армия стремительно приближалась к Берлину, и теперь Советский Союз мог говорить с позиции силы. Лидеры собрались за большим круглым столом в бальном зале роскошного Ливадийского дворца в сопровождении переводчиков и советников. Сталин, играя роль гостеприимного хозяина, настоял, чтобы председателем был Рузвельт. Затем советский вождь устроился поудобнее и, по воспоминаниям участников совещания, «тоном простой и не знающей сомнений категоричности» стал знакомить присутствующих со своей программой¹²⁶.

Сталин призывал к совместной оккупации побежденной Германии и требовал территориальных уступок и репараций. Три лидера договорились разделить Германию на четыре оккупационные зоны: по одной для каждой из их стран и еще одну для Франции. Они также подтвердили, что репарации будут взиматься с Германии в натуральной форме и отчасти, по выражению из совместной декларации, «посредством использования немецкой рабочей силы». Рузвельт и Черчилль неохотно уступили требованию Сталина признать Польшу (уже оккупированную Красной армией) частью советской сферы влияния в обмен на обещание позволить там свободные выборы. Сталин со своей стороны вновь подтвердил, что СССР вступит в войну с Японией. Лидеры договорились, чтобы весной этого же года представители правительств союзнических государств встретились в Сан-Франциско и учредили международную организацию для поддержания послевоенного мира¹²⁷.

¹²⁴ Ibid.

¹²⁵ LOC-RHJ. B. 95. F. 5. Memorandum for the President: Trial and Punishment of Nazi War Criminals, January 22, 1945.

¹²⁶ Plokhy S. *Yalta: The Price of Peace*. New York: Penguin, 2010. P. 69–79. Цитата (p. 77) принадлежит генерал-майору ВВС США Лоренсу С. Кьютеру, члену американской делегации.

¹²⁷ Ibid.; APYULS. Protocol of Proceedings of Crimea Conference, February 11, 1945. <http://avalon.law.yale.edu/wwii/yalta.asp> (дата обращения 10 января 2023 года). В состав советской делегации входил также Лаврентий Берия.

11 февраля, в день закрытия Ялтинской конференции, Сталин, Черчилль и Рузвельт пообещали подвергнуть всех военных преступников справедливому наказанию и судить руководителей стран Оси после победы союзников в Европе. Детали не обсуждались; участники встречи договорились, что позже их проработают три министра иностранных дел¹²⁸. Сталин покинул Ялту, удовлетворенный тем, что поговорил лицом к лицу с западными лидерами, что Черчилль и Рузвельт согласились признать советское влияние в Восточной Европе и приняли советскую идею репараций в форме принудительного труда немцев для восстановления Советского Союза. Для Сталина, разумеется, ключевым был последний пункт¹²⁹. Но Сталин не мог предвидеть, что Рузвельт уйдет из жизни в середине апреля и что это полностью расстроит отношения между СССР и США.

Тем временем в Лондоне члены КОНВП задавались вопросом, когда правительства стран-союзников договорятся о деталях послевоенной юстиции (и договорятся ли). В конце марта делегаты отправили своим правительствам предварительный отчет, где призвали к сотрудничеству между КОНВП и Чрезвычайной государственной комиссией и сформулировали ключевой вопрос: намерены ли правительства союзников наказать нацистских вождей (главных военных преступников) внесудебным декретом или по приговору международного уголовного суда?¹³⁰

Этот вопрос по-прежнему вызывал разногласия между британцами и американцами. В начале апреля, незадолго до смерти Рузвельта, британский МИД пригласил в Лондон представителей американского правительства, чтобы приватно обсудить проблему военных преступлений. Рузвельт отправил одного из своих самых доверенных советников, федерального судью Сэмюэла И. Розенмана – своего спичрайтера и автора термина «Новый курс» – на встречу с лорд-канцлером Саймоном и юрисконсульту МИД сэром Уильямом Малкином¹³¹. Розенман и Саймон охотно подтвердили, что их правительства верны данному в Московской декларации обещанию вернуть рядовых военных преступников в места их преступлений. Споры вызывал вопрос о том, что делать с главными нацистскими вождями и организациями, чьи преступления имели международный размах¹³².

Ни британцам, ни американцам не была по душе идея межсоюзнического суда, предложенного некоторыми членами КОНВП, но они соглашались, что необходимо выдвинуть некий «подходящий вариант на замену». Малкин указал на то, что британцы предпочитают военные суды, которые могут принять к рассмотрению любые свидетельства, обладающие доказательной силой¹³³. Затем Саймон предложил британский проект суда над Гитлером и другими «архипреступниками», который, по его словам, избегал обеих крайностей – и внесудебной казни, и затянутого процесса с парадом свидетелей защиты. Правительства союзников могут набросать обвинительное заключение и наделить межсоюзнический трибунал особыми полномочиями. Этот трибунал должен будет позволить Гитлеру и другим подсудимым выступить в свою защиту и представить свидетелей за закрытыми дверями. Затем он известит правительства стран-союзников в случае, если какие-либо пункты обвинения будут опровергнуты. После этого правительства назначат наказания. Саймон подчеркивал, что это не будет процесс по

¹²⁸ Ibid.

¹²⁹ Советские экономисты выступали за трудовые репарации. *Suviranta B. The Way to War Indemnities in Kind*. Helsinki: Acta Forestalia Fennica, 1954.

¹³⁰ NARA. RG 238. Entry 52. B. 7. UNWCC, Minutes of 52nd Meeting, March 14, 1945, и там же: UNWCC, Second Progress Report, Draft, March 20, 1945.

¹³¹ *Kochavi A. Prelude to Nuremberg*. P. 212.

¹³² Они также отметили, что в тех странах, где окажется затруднительно провести процессы в национальных судах, можно будет создать межсоюзнические военные трибуналы. NARA. RG 260. AG 000.5. B. 3. F. 1. Memorandum: War Crimes and Atrocities, April 6, 1945.

¹³³ NARA. RG 260. AG 000.5. B. 3. F. 1. Memorandum of Meeting, April 4, 1945.

обвинению в военных преступлениях, каким его знает современное международное право: не будет учитываться, считаются ли эти деяния преступными на данный момент. Поэтому, как объяснял Саймон, можно будет вменить в вину преступления против немецких евреев и Гитлер не сможет сказать в свою защиту, что «международное право не запрещает правителю угнетать своих собственных подданных». Розенман отправил план Саймона на рассмотрение в Вашингтон¹³⁴.

Одним словом, к концу войны в Европе британское, американское и советское правительства все еще по-разному представляли себе модели послевоенной юстиции. Но кое-что изменилось. Советские идеи об уголовной ответственности гитлеровцев проникли на Запад. Последний британский проект – план Саймона – в главном пункте совпадал с советской идеей специального международного трибунала: он тоже предполагал использовать суд для демонстрации вины нацистов, не впускаясь в юридические дебаты. Но в остальном британский и советский подходы сильно различались. Британцы представляли себе закрытое слушание и казнь по внесудебному декрету; советские же представители, напротив, хотели публичного спектакля по образцу Московских процессов и недавнего процесса в Харькове. Стимсон и его коллеги со своей стороны разделяли советское стремление к публичному процессу над нацистскими вождями – но хотели, чтобы этот публичный процесс продемонстрировал миру американское лидерство и власть закона.

12 апреля умер Рузвельт, и разрабатывать американский подход к послевоенной юстиции пришлось президенту Гарри С. Трумэну. Трумэну не понравился британский проект закрытого слушания, который выглядел недемократично. Он одобрил план Стимсона – Стеттиниуса – Биддла, предусматривающий организацию публичного международного процесса над немецкими вождями и их организациями¹³⁵. 13 апреля по поручению Трумэна ближайший советник Рузвельта Джеймс Ф. Бирнс, участник конференции в Ялте, попытался через советского посла Николая Новикова склонить Москву к принятию американского варианта. Бирнс напомнил Новикову, что Московская декларация не определяла конкретного порядка наказания главных военных преступников или членов главных нацистских организаций, таких как СС и гестапо. Ныне, ввиду быстрого наступления союзнических армий на Германию, время пришло. Бирнс отметил, что правительства союзников, вероятно, смогут договориться в вопросе казни «наиболее выдающихся» нацистских военных преступников без суда. Но правительство США считает предпочтительным выработать «некую удобную судебную процедуру»¹³⁶.

Бирнс подчеркнул ключевое сходство между американским подходом и советской идеей специального международного трибунала. Он сослался на «маститого советского автора», который недавно доказывал, что преступления нацистов были частью предумышленного плана «агрессивных действий», нацеленных на установление «царства террора» в Германии и во всей Европе. Этот автор утверждал также, что нацистские вожди и все члены главных нацистских организаций несут уголовную ответственность за все эти действия. Бирнс назвал этого автора: Арон Трайнин. Нашупав общую почву, Бирнс представил на рассмотрение советской стороны краткий набросок общих принципов суда над нацистскими вождями и их организациями межсоюзническим военным трибуналом. Бирнс уверял Новикова (используя советскую терминологию), что подобный суд не занимался бы наказаниями рядовых «гитлеровцев» в местах их преступлений. Но, по его словам, этот суд «гарантировал бы наказание» нацистских вождей

¹³⁴ NARA. RG 260. AG 000.5. B. 3. F. 1, Simon to Rosenman, April 6, 1945. См. также: The Ambassador of the United Kingdom to the Secretary of State, April 7, 1945 // FRUS. 1945, Diplomatic Papers, European Advisory Commission, Austria, Germany. Vol. 3. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945v03/d877> (дата обращения 10 января 2023 года); Tusa A., Tusa J. The Nuremberg Trial. London: Atheneum, 1983. P. 65.

¹³⁵ Kochavi A. Prelude to Nuremberg. P. 164.

¹³⁶ HSTPLM. Rosenman Papers, War Crimes File, Draft of statement from James Byrnes to Soviet Ambassador, April 13, 1945.

и членов главных нацистских организаций. Бирнс предложил обсудить это предложение на встрече представителей США, СССР, Великобритании и Франции¹³⁷.

* * *

К началу апреля 1945 года СССР и США, вопреки глубоким различиям в политических системах двух стран, правовых идеях и масштабах пережитых испытаний в ходе войны, отчасти пришли к общему представлению о суде над главными нацистскими военными преступниками в международном трибунале. Вскоре они разойдутся в вопросах о деталях организации трибунала, о репарациях и о планах будущего устройства Германии и послевоенной Европы. Вскоре они вообще захотят забыть, что когда-то были союзниками. Но до тех пор, пока война против европейских стран Оси еще не была окончательно выиграна, военный альянс оставался крепким. 16 апреля Красная армия начала большое наступление на Берлин. Советские солдаты наступали на город, с запада приближались британские и американские войска; в этой ситуации главным союзническим державам все настоятельнее требовалось договориться о том, что же делать с пленными нацистскими вождями.

¹³⁷ Ibid.

Глава 2

Но что есть правосудие?

24 апреля, когда Красная армия замыкала кольцо вокруг Берлина, нарком иностранных дел Молотов находился в Сан-Франциско. Сотни делегатов со всех стран съехались в этот американский город подписать план создания ООН, новой организации, посвященной предотвращению войн в будущем. Прием был пышным: делегатам предлагали бесплатную еду, бесплатные фильмы и даже бесплатные прогулки на дирижаблях. Из Европы шли сообщения о близком разгроме нацистов. Казалось, что мировое сообщество уверенно нацелено на возрождение и перемены¹³⁸.

Приехав в Сан-Франциско, Молотов поселился в отеле «Сен-Фрэнсис». Его, как кинозвезду, преследовали охотники за автографами. Перед этим он останавливался в Вашингтоне для встречи с новым президентом Гарри С. Трумэном. Молотов привык общаться с Рузвельтом и ожидал дружеского приема. Но Трумэн отругал его за то, что Сталин не позволил провести в Польше свободные выборы¹³⁹. Агрессивный тон Трумэна заставил Молотова занять оборонительную позицию и пересмотреть свой взгляд на намерения американцев. И теперь, любуясь великолепными видами Сан-Франциско и свыкаясь с ритмом жизни страны, казалось, совсем не затронутой войной, Молотов все еще пребывал в молчаливом напряжении. В частной беседе тем вечером он резко напомнил госсекретарю Эдварду Стеттиниусу – младшему, что СССР – «первостепенная держава и не позволит низвести себя до второстепенной»¹⁴⁰. Молотов предупредил: если США не будут относиться к СССР как к равному партнеру, то им придется об этом пожалеть.

¹³⁸ Schlesinger S. C. Act of Creation: The Founding of the United Nations. New York: Basic Books, 2004. P. 115–119.

¹³⁹ Miller W. L. Two Americans: Truman, Eisenhower and a Dangerous World. New York: Knopf, 2012. P. 160; Roberts G. Sexing Up the Cold War: New Evidence on the Molotov-Truman Talks of April 1945 // Cold War History. 2004. Vol. 4. № 3. P. 105–125; Watson D. Molotov: A Biography. New York: Palgrave Macmillan, 2005.

¹⁴⁰ NARA. RG 59. Entry 1560. B. 4. Memorandum of Conversation, April 24, 1945. P. 4.

Ил. 5. Вячеслав Молотов (в центре) в Сан-Франциско. Весна 1945 года. Источник: Российский государственный архив кинофотодокументов, А-6831

2 мая Красная армия захватила рейсхканцелярию, последний оплот нацистского руководства. Защитники Берлина капитулировали. Советские солдаты рыскали по улицам города

в поисках эсэсовцев и генералов вермахта – и вопрос о том, что делать с военными преступниками, стал не просто срочным, а безотлагательным¹⁴¹. Трумэн воспользовался моментом. В этот же день, без консультаций с советскими и британскими союзниками, он объявил прессе о создании международного военного трибунала. Представлять правительство США в подготовке и обвинении против бывших нацистских вождей должен был судья Верховного суда Роберт Х. Джексон¹⁴².

Публичное заявление Трумэна, прозвучавшее в тот самый момент, когда советские войска торжествовали победу в Берлине, а все министры иностранных дел стран-союзников пребывали на американской земле, ускорило реализацию проекта будущего Нюрнбергского процесса. Быстрота действий Трумэна позволила Вашингтону сформировать повестку и низвести роль СССР до уровня вспомогательной, хотя именно он первым начал призывать к созданию международного трибунала. Молотов твердо вознамерился изменить это положение.

В промежутке между заявлением Трумэна от 2 мая и заключением в августе четырехстороннего соглашения о суде над главными нацистскими военными преступниками постепенно выяснилось, насколько по-разному союзные державы понимают, что такое правосудие и как оно должно вершиться. США, СССР, Великобритания и Франция в конце концов пришли к соглашению о создании международного трибунала, но дистанция между ними сохранялась, отражая разницу в мышлении, сильно влиявшую на сам ход судебного процесса.

* * *

Молотов все еще держался настороже, когда 3 мая, на другой день после заявления Трумэна, началась оживленная дискуссия с американцами и британцами о проекте будущего международного трибунала. Федеральный судья Сэмюэл Розенман представил Молотову, Стеттиниусу и британскому министру иностранных дел Энтони Идену американский план, разработанный сообща Стеттиниусом, Генри Стимсоном и Фрэнсисом Биддлом еще при жизни Рузвельта. Всего три недели назад Джеймс Бирнс показал советскому послу Николаю Новикову набросок этого плана и предложил американским, советским, британским и французским представителям встретиться и обсудить детали. Советская сторона еще не успела ответить, а Трумэн уже инициировал обсуждение.

Розенман, конечно, участвовал в прежних дискуссиях о послевоенной юстиции и хорошо знал, что Молотов призывал к публичному процессу над нацистскими вождями, имея в виду в первую очередь репарации. Теперь Розенман познакомил министров иностранных дел с основными пунктами американского плана и объяснил, что судить нацистских вождей и организации (такие, как гестапо и СС) предлагается за «участие в преступном заговоре». После того как организации будут признаны виновными, их члены также *«ipso facto»* (в силу самого этого факта) окажутся виновными в военных преступлениях. Он добавил, что США не требуют обязательно смертных приговоров, а намерены приговорить осужденных к тяжкому труду – «восстанавливать страны, разоренные немцами». Розенман наверняка знал, что предложение усладит слух Молотова и просигнализирует о согласии американцев с советскими требованиями трудовых репараций. Розенман предложил, чтобы США, Великобритания, СССР и Франция назначили по одному представителю в трибунал и по одному в Следственный комитет, который подготовит уголовные дела и выступит с обвинением¹⁴³.

¹⁴¹ О падении Берлина см.: *Beevor A. The Fall of Berlin 1945*. New York: Penguin Books, 2003. P. 386–405 (рус. пер.: *Бивор Э. Падение Берлина*. 1945. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. – Примеч. пер.).

¹⁴² Harry S. Truman, The President's News Conference, May 2, 1945 // The American Presidency Project / Eds G. Peters, J. T. Woolley. <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=12258> (дата обращения 10 января 2023 года).

¹⁴³ NARA. RG 59. Entry 1560. B. 4. Memorandum of Conversation, May 3, 1945. Советская стенограмма: АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 20. Д. 209. Л. 1–4.

Молотов и Иден ответили быстро и чистосердечно. Иден объяснил, что британцы после самоубийства Гитлера 30 апреля уже не так настойчиво возражают против международного трибунала. Британский военный кабинет все еще с оговорками воспринимает идею суда над «самыми видными нацистами», но если СССР и США намерены их судить, то его правительство, скорее всего, согласится. Молотов заявил, что американский план касается «важнейшего вопроса», но только посмеивался над предположением, что министры иностранных дел могут о чем-то серьезно договориться прямо здесь, в Сан-Франциско. Иден, Молотов и Стеттиниус договорились подключить к обсуждению французского министра иностранных дел Жоржа Бидо; на следующий день ему вручили копию черновика соглашения¹⁴⁴.

По поручению Молотова два советских эксперта из НКВД, сопровождавшие его в Сан-Франциско, – юрист Сергей Голунский и дипломат Амазасп Арутюнян – изучили все двадцать шесть статей американского плана. Они доложили Молотову, что главные пункты обвинения перечислены в статье 6 и включают нарушение законов и обычаев войны, вторжение в другие страны, развязывание агрессивной войны и использование войны как инструмента внешней политики. Статья 8, по их словам, гласила, что организациям можно будет предъявлять обвинения в преступлениях или в соучастии в преступлениях и, если их вина будет доказана, это повлечет за собой суды над членами этих организаций¹⁴⁵. Голунский также обсудил эти пункты с британскими и французскими юристами-международниками, которые выразили сомнения: не придается ли здесь закону обратная сила? Уильям Малкин, юрисконсульт британского МИД, надеялся, что суд продекларирует, что агрессивная война уже расценивалась как нелегитимная с точки зрения юридических норм, существовавших на момент, когда нацисты приступили к завоеванию Европы, и это не позволит обвинить суд в предвзятости и превратить подсудимых в мучеников¹⁴⁶. К 6 мая французские, британские, советские и американские представители в Сан-Франциско в общем и целом поддержали идею международного военного трибунала – но на этом обсуждение застопорилось. Иден должен был отчитаться перед британским правительством, а Молотову необходимо было посоветоваться со Сталиным, прежде чем ставить подпись под каким-либо планом¹⁴⁷. Сталин в тот момент был поглощен вопросами капитуляции Германии. 7 мая генерал Альфред Йодль подписал безоговорочную капитуляцию германской армии в штаб-квартире союзников во французском Реймсе. Рано утром 9 мая по требованию советской стороны фельдмаршал Вильгельм Кейтель подписал второй документ о капитуляции в присутствии маршала Георгия Жукова в советском штабе в Берлине¹⁴⁸. Днем 10 мая Молотов покинул красоты Сан-Франциско и сел на самолет в Москву, увозя с собой американский план¹⁴⁹.

* * *

В последние дни апреля Джексон в Вашингтоне готовился ускорить реализацию американского плана, который был, на его взгляд, «слишком эмоциональным» и «слишком подробным». Он предупредил Розенмана и Трумэна, что предстоящий процесс не должен создавать впечатление «суда, организованного ради обвинительного приговора». Он также призвал добавить гибкости формулировкам документа ввиду новизны сложившейся ситуации и предосте-

¹⁴⁴ NARA. RG 59. Entry 1560. B. 4. Memorandum of Conversation, May 3, 1945. Советская стенограмма: АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 20. Д. 209. Л. 1–4.

¹⁴⁵ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 20. Д. 209. Л. 14–20.

¹⁴⁶ LOC-RHJ. B. 95. F. 5. Robert H. Jackson (RHJ) Diary, May 10, 1945.

¹⁴⁷ LOC-RHJ. B. 95. F. 5. Rosenman to Jackson, with Mimeographed Copy of the Agreement, May 6, 1945; RHJ Diary, May 7, 1945.

¹⁴⁸ Beevor A. Fall of Berlin. P. 402–405.

¹⁴⁹ АВПРФ. Ф. 07. Оп. 13. П. 41. Д. 3. Л. 34–36.

рег: «Трудно поверить, сколько судебной волокиты может повлечь за собой одно-единственное ограничивающее слово»¹⁵⁰.

Пятидесятилетний Джексон обучался праву по большей части самостоятельно. В прошлом практикующий адвокат и многолетний политический союзник Рузвельта, он некоторое время служил генеральным прокурором, а в 1941 году получил назначение в Верховный суд. Один из немногих демократов в традиционно республиканской северной части штата Нью-Йорк, он прославился своей непреклонной независимостью. В его умных глазах часто сверкали озорные искры. Во время службы в Верховном суде он высказал несколько резонансных особых мнений – в частности, раскритиковал американское правительство за интернирование американцев японского происхождения¹⁵¹. Джексон был человеком действия и не любил терять время. Он уже занимался сбором доказательств нацистских военных преступлений в Управлении стратегических служб (УСС) – разведывательном агентстве американского правительства, работавшем в военное время, – и в Отделе по военным преступлениям Военно-юридической службы армии США (ВЮС). В своем дневнике он отметил, что эти свидетельства «подтверждают все ужасы», о которых писала пресса, и даже многие сверх того¹⁵².

Джексон был глубоко взволнован информацией, поступавшей из Европы, но его тревожили и планы США в отношении послевоенной Германии. В пятницу 4 мая юрист Военного министерства Мюррей Бернайс рассказал ему о секретном документе Союзной комиссии по репарациям, который между делом ссылался на ялтинскую договоренность о взыскании с Германии трудовых репараций. Похоже, никто не знал, существует ли подписанное соглашение и оговорены ли условия подобных репараций. Как бы то ни было, Джексон воспринял это известие как «бомбу» – оно противоречило всему, за что США боролись в этой войне. Правительство США действительно намерено санкционировать использование принудительного труда? Бернайс признался Джексону, что в Военном министерстве тоже были в шоке от этого документа, якобы написанного министром финансов Моргантау. Тем вечером Джексон предположил в дневниковой записи, что все это было сделано по требованию русских, потому что СССР – единственная союзная страна, которая могла бы использовать «рабский труд в крупных масштабах»¹⁵³.

¹⁵⁰ LOC-RHJ. B. 95. F. 5, Memorandum re Document Entitled «Punishment of War Criminals», draft, April 29, 1945.

¹⁵¹ Это был процесс 1944 года «Коремапу против Соединенных Штатов». Джексон никогда официально не уходил из Верховного суда, но и не участвовал в его работе с июня 1945 года до закрытия МВТ. *Barrett J. Q. The Nuremberg Roles of Justice Robert H. Jackson* // Washington University Global Studies Law Review. 2007. Vol. 6. P. 511–525. Подробнее о молодых годах Джексона: *Gerhart E. C. America's Advocate: Robert H. Jackson*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1958.

¹⁵² LOC-RHJ. B. 95. F. 5. RHJ Diary, May 10, 1945. (Он отметил это через неделю, после того как поработал с доказательными материалами.)

¹⁵³ LOC-RHJ. B. 95. F. 5. RHJ Diary, May 4, 1945.

Ил. 6. Роберт Х. Джексон. 1945 год. Источник: Американский мемориальный музей Холокоста. Предоставлено Джоном У. Мозенталем

Тем же вечером Джексон поговорил по телефону с Розенманом, который сопровождал Рузвельта в Ялте. Тот заверил, что касательно репараций все пункты соглашения были сформулированы «крайне расплывчато»¹⁵⁴. (Разумеется, эти слова полностью противоречили тому, что он внушал Молотову днем ранее.) Но 6 мая Джексон получил от Бернейса другой сек-

¹⁵⁴ LOC-RHJ. B. 95. f. 5, RHJ Diary, May 4, 1945, 7 p. m.

ретный документ, который вновь пробудил его беспокойство. Этот документ был выпущен американским правительственным Неофициальным политическим комитетом по Германии (который координировал планы Госдепартамента, Военного и Финансового министерств для американской зоны оккупации). В нем уточнялось, что с Германии будут взяты «репарации в натуральной форме», отчасти в форме труда, направленного на послевоенную реконструкцию. Далее в документе отмечалось, что будет использован «только труд осужденных военных преступников» или тех, для кого «в надлежащем порядке» установят принадлежность к гестапо (тайной полиции), СС (охранным отрядам) или СА (штурмовым батальонам)¹⁵⁵. Джексон думал, что это лишь вызывает еще больше вопросов. Что значит «в надлежащем порядке»? Будут ли процессы над членами этих организаций открытыми или закрытыми? Если гестапо, СС и СА уже сочтены виновными, зачем вообще тратить время на суды?

Джонсон из первых уст услышал, что смерть Рузвельта оставила американских политиков в затруднительном положении. Похоже, никто не знал, что конкретно Рузвельт пообещал Сталину в Ялте. В субботу 12 мая Джексон был на завтраке с участием нефтяного магната Эдвина Поли (Трумэн назначил его представителем США в Союзной комиссии по репарациям) и американского посла в СССР Аверелла Гарримана. Оба они были в Ялте. Джексон спросил их о намерениях Рузвельта. Гарриман уверял, что Рузвельт согласился только на формулировку «использование труда немцев», что можно истолковать как оплачиваемый труд. Он также сказал Джексону, что не только СССР хочет использовать труд немцев: он нуждается в пяти миллионах немецких рабочих, да и Франция потребовала два миллиона и англичане сказали, что возьмут «немного на короткое время». Разгневанный Джексон объявил, что не будет участвовать в «судебном спектакле»¹⁵⁶.

Немедленно после завтрака Джексон написал для Поли меморандум с возражениями против записи немцев в трудовые бригады только за то, что они были членами нацистских организаций. Он предупредил, что даже хорошо контролируемая программа трудовых репараций «подорвет моральную позицию Соединенных Штатов». Он предсказывал, что скоро «из России просочатся» рассказы о жестоком обращении с подневольными работниками и в них будет «слишком много правды»¹⁵⁷. 15 мая Джексон поделился своим мнением с Трумэном. Тот ответил благосклонно, но уклончиво. Затем он поговорил с главой УСС Уильямом Дж. Донованом («Диким Биллом»). Тот согласился, что весь этот проект репараций создаст впечатление, будто судебные процессы имеют целью лишь обеспечить победителей принудительным трудом. Джексон признал Донована (своего бывшего политического соперника в штате Нью-Йорк) ценным союзником и привлек консультантом в свою команду¹⁵⁸.

Он также обсудил с Донованом советский подход к послевоенной юстиции. Они отметили, что советские газеты, ничего не публикующие без одобрения Сталина, недавно критиковали американцев за то, что они не расстреляли Геринга сразу после его сдачи в плен Седьмой армии. Джексон предположил, что советское руководство побаивается поднимать тему «агрессивной войны». Он сказал Доновану, что недавно услышал о существовании «многих свидетельств» тому, что Россия до 1941 года вела масштабную подготовку к войне, и попросил его вывести у Геринга и других заключенных нацистских вождей, что они думают о причинах, побудивших Германию объявить войну России¹⁵⁹.

¹⁵⁵ LOC-RHJ. B. 95. F. 5. Informal Policy Committee on Germany: Instructions for the U. S. Representative on the Reparation Commission, May 3, 1945.

¹⁵⁶ Ibid. RHJ Diary, May 12, 1945.

¹⁵⁷ Ibid. Memorandum for Edwin W. Pauley from Robert Jackson, n. d.; and Draft Statement on Labor Reparations, May 12, 1945.

¹⁵⁸ LOC-RHJ. B. 95. F. 5. RHJ Diary, May 15, 1945; *Waller D. Wild Bill Donovan: The Spymaster Who Created the OSS and Modern American Espionage*. New York: Free Press, 2011. P. 324–325. О партнерстве Донована и Джексона см. также: *Priemel K. C. The Betrayal: The Nuremberg Trials and German Divergence*. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 72–74.

¹⁵⁹ LOC-RHJ. B. 95. F. 5. RHJ Diary, May 15, 1945.

Джексон не знал, что инициатива судить нацистских вождей за развязывание «агрессивной войны» исходила в основном от СССР. Донован познакомил его с этой темой, дав почитать только что составленный УСС доклад «Советские намерения наказать военных преступников». Этот документ на шестидесяти одной странице объяснял, что в СССР проводят различие между традиционными военными преступлениями и действиями, разрушающими мирные отношения между странами. В докладе отмечалось, что советская сторона ранее предложила определить «агрессивную войну» как международное преступление и объявила о своих намерениях уголовно преследовать за это руководителей Германии, в том числе высших военачальников. Авторы описывали и работу Чрезвычайной государственной комиссии, и Харьковский процесс, отмечая, что СССР – первая среди союзников страна, публично судившая военных преступников. Большая часть работы была посвящена анализу книги Арона Трайнина «Уголовная ответственность гитлеровцев». Авторы писали, что его взгляды заслуживают пристального внимания, потому что редактором книги выступил Андрей Вышинский. Деление военных преступлений на «обычные» и «преступления против мира» (ведение агрессивной войны) у Трайнина, как и его критика защиты, основанной на отсылке к исполнению приказа, по мнению авторов доклада, определяли остальные высказывания советской стороны по этим вопросам¹⁶⁰.

После первого обмена мнениями с Донованом Джексон принялся глубже изучать советский подход к правосудию. 17 мая Джексон и его сотрудники, в числе которых были теперь Бернайс, офицер армейской разведки Джон Харлан Эймен, вашингтонский адвокат Сидни С. Олдерман и другие, посмотрели советский фильм о Харьковском процессе. После просмотра Джексон в шоке открыл для себя советский метод «возложения бремени доказательств защиты на самих подсудимых»¹⁶¹. Он также взял себе экземпляр книги Трайнина. И хотя Джексон продолжал относиться к СССР с крайним недоверием, которое в будущем пронес через весь процесс, он усвоил некоторые идеи своего советского коллеги: в его собственные доклады вскоре проникла фразеология Трайнина.

Вопрос о трудовых репарациях оставался незаживающей раной. Для Джексона это был принципиальный момент. 18 мая он встретился с Поли в офисе Моргантау. Последний раздраженно заявил, что Союзная комиссия по репарациям заседала четыре или пять дней и он впервые слышит, чтобы Рузвельт или Трумэн не соглашались с планом «использовать трудовые репарации независимо от приговора суда». Он назвал идею судебного процесса глупой и непрактичной и высказал предположение, что суд над нацистскими организациями затянется слишком надолго и вряд ли обеспечит Европу рабочей силой, необходимой в ближайшие месяцы для посева, сбора урожая и добычи угля. В ответ на протест Джексона, заявившего, что американский народ не потерпит рабского труда, Поли допустил уступку в виде какой-нибудь формы «добровольной мобилизации»: Германия, к примеру, могла бы оплачивать труд в счет репараций¹⁶².

Сведения о разговоре у Моргантау просочились в прессу, и 23 мая колумнист «Вашингтон пост» Дрю Пирсон опубликовал о нем статью. Пирсон писал, что план использовать «каторжный труд немцев для восстановления России и Франции» встретил «секретное возражение» со стороны судьи Верховного суда Джексона, будущего главы американских обвинителей на процессе немецких военных преступников. После этого вопрос «повис в воздухе»¹⁶³. В тот же день ТАСС резко напомнил немцам, что они могут искупить вину за нацизм только «честным трудом» для возмещения материального ущерба, нанесенного ими другим странам¹⁶⁴.

¹⁶⁰ LOC-RHJ. B. 111. F. 10. Office of Strategic Services Research and Analysis Branch, № 1988.1, Soviet Intentions to Punish War Criminals, April 30, 1945.

¹⁶¹ Ibid. B. 95. F. 5. RHJ Diary, May 17, 1945.

¹⁶² LOC-RHJ. B. 95. F. 5. RHJ Diary, May 18, 1945.

¹⁶³ Pearson D. The Washington Merry-Go-Round // Washington Post. 1945. May 23 (см. в: LOC-RHJ. B. 95. F. 5).

¹⁶⁴ Цит. в: LOC-RHJ. B. 107. F. 1. Office of War Information, Bureau of Overseas Intelligence, European Comment on War

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.